

Роль грешницы на бис

Автор:

Татьяна Гармаш-Роффе

Роль грешницы на бис

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Частный детектив Алексей Кисанов #7

Это произведение – прекрасный образец абсолютной гармонии разных литературных форм – романа с его драматическим повествованием о жизни и судьбе человека и детектива, с его динамикой и интригой расследования. После прочтения этого романа понимаешь, что на рынке популярной литературы появился эталон под названием «детективный роман». И что теперь это определение можно приложить далеко не ко всякой книге, претендующей на звание детективного романа...

Жизнь и судьба великой актрисы и череда убийств высокопоставленных персон... Реалистичность образов, шокирующие правила жизни советской элиты и номенклатуры, уставшей жить «как все»... С трагическими для некоторых героев книги последствиями эпохи, как и в других романах ТГР, разбирается частный детектив Алексей Кисанов. Логика преступлений, ложные их версии, дамоклов меч над любимым человеком, ... все это вместе с героями переживает читатель, на каждой странице.

Почему героев убивают отравленной иглой? Почему все пути расследования ведут к чистому и доброму человеку, который не может быть плохим? Кто убийца? И почему автор так обошелся с главным героем романа, явно рискуя огорчить читателя? Совсем это не по правилам развлекательной литературы. Только после прочтения понимаешь, какой необычайно глубокий и умный роман написала Гармаш-Роффе. Виват автору!!! Так держать! Читайте и не пожалейте себя, и свой сон. Потому что заснуть с этим романом вам не придется!

Татьяна Гармаш-Роффе

Роль грешницы на бис

Все имена, персонажи и события этой книги сочинены автором. Любое совпадение с реальностью может быть только случайным.

* * *

- Цветик-Семицветик, почему меня мамка не любит?

- С чего ты взял?

- Не любит, знаю.

- Скажешь тоже! Папка тебе вон тумачков дает, а мамка - нет!

- Все одно!

- Ерунду говоришь. И мамка любит, и папка любит.

- И ты?

- И я. Спи.

* * *

Майским солнечным днем директор крупного коммерческого банка г-н Хрупов выглянул в окно своего офиса, располагавшегося недалеко от Арбата. На улице уже собралась небольшая толпа: журналисты в полном техническом снаряжении хищно поджидали его появления (в банк их не пустила охрана), а чуть поодаль притулилась горстка старушек с плакатом «Отдай народное добро!». А дело все в том, что одна ретивая газета провела «журналистское расследование» и опубликовала накануне информацию о том, как г-н Хрупов сколотил состояние, выманив обманным путем ваучеры у простого, экономически не подкованного народа, а затем бессовестно нажился на заработанных кровью и потом рублях, которые нищие доверчивые пенсионеры поместили в его банк.

Материал прозвучал громко, и сегодня прямо с утра к банку потянулись журналисты – эти сволочуги, эти пираньи, готовые вонзить свои ядовитые зубы в жирненькое, холеное тело преуспевающего банка и его директора.

Если бы он мог отсидеться в своем кабинете до вечера, он бы непременно так и сделал. Но предстоящую важную встречу никак нельзя было отменить, и потому к народу придется выйти. Недовольно хмыкнув, директор нажал на кнопку селектора и коротко переговорил со своей охраной, объяснив предстоящий демарш: он ответит на два-три вопроса журналистов, но к нему никого не подпускать и быстро расчистить путь к машине.

Он уже заготовил нужную фразу и нисколько не нервничал – его за просто так не возьмешь! Покидая кабинет, Хрупов повернулся к зеркалу, надел на лицо снисходительно-уверенную улыбку и, прочно зафиксировав ее в лицевых мышцах, с достоинством направился к выходу.

На улице, у сверкающего чистотой и мрамором подъезда банка, он под нестройное бляенье кучки фрондирующих старушек уверенно послал в вытянувшиеся к нему микрофоны несколько коротких, крепко сколоченных фраз о бездоказательности обвинений прессы и своей исключительной заботе о благе народа. После чего мелко засеменял в окружении охраны, прокладывая путь к его белому «Мерседесу». Шофер, завидев хозяина, уже услужливо распахнул дверцу, но внезапно Хрупов остановился. Настолько неожиданно, что на него налетел охранник, шедший сзади. Хрупов почувствовал неприятный, жгучий укол в шею, как если бы его ужалила пчела. Он поднес руку к месту укуса, почувствовал в нем инородное тело, размазал капельку крови, выступившую на коже, удивленно посмотрел на окровавленный палец и даже почти успел крикнуть охраннику, чтоб тот глянул, что приключилось с его шеей...

Как вдруг захрипел, ноги его ослабли, подогнулись, и он, цепляясь за одежду своих телохранителей, осел на землю, ощущая странную судорогу в горле. Охрана бросилась к хозяину, взяла под локотки, бережно доволокла его, скрюченного от судороги, до белого кожаного сиденья «Мерседеса», подальше от глаз журналистов и народных мстителей в лице старушек. И уже внутри, защищенная от не в меру любопытных глаз железным панцирем и затемненными стеклами машины, приступила к расспросам: чего такого с хозяином приключилось, что он затеял наземь садиться на глазах у протестующего народа?

Хозяин, хватаясь за горло, промычал в ответ что-то нечленораздельное.

И умер.

* * *

Майским солнечным утром депутат Думы г-н Иголкин выглянул в окно своей квартиры на Патриарших прудах: машина уже стояла у подъезда, скромный, как полагал депутат, темно-синий с металлическим отливом «Фольксваген». Депутат Иголкин, утерев лоснящийся после обильного завтрака рот, привычно чмокнул круглолицую жену, прихватил кейс с бумагами и резво сбежал с четвертого этажа: сердцу полезны небольшие тренировки.

Размахивая кейсом, он шел к машине, излучая довольство самим собой, своим положением, своим завтраком и даже нелюбимой женой. Мельком глянул на сидевшую на скамейке сгорбленную фигуру: не знакомый ли, не кивнуть ли с ослепительно-приветственной улыбкой народного избранника? Фигура в мешковатом, не по погоде пальто и черных очках показалась незнакомой, и Иголкин переключился на двух соседей, шедших навстречу, коим послал сладкую улыбку в ответ на их две, не менее сладкие. После чего он брезгливо обошел собачонку, семенившую на поводке у девочки, не забыв, однако, потрепать ребенка по голове: ребенок был соседский, а к своему имиджу в глазах соседей он относился весьма ответственно – это ведь первейший источник слухов и сплетен! Девочка неприязненно отстранилась от его равнодушной руки, но он не заметил или сделал вид, что не заметил.

На подходе к «Фольксвагену» Иголкин вдруг почувствовал неприятный, обжигающий укол в ногу, как если бы его ужалила пчела. Депутат не поленился, задрал брючину, чтобы посмотреть, что же приключилось с ногой, но брючина не поднималась достаточно высоко – не снимать же штаны на глазах у народа! Решив, что посмотрит в машине, Иголкин выпрямился, сделал три оставшихся до нее шага, но отчего-то потерял равновесие и клюнул прямоком носом в крышу «Фольксвагена».

Шофер, уже изготовившийся открыть заднюю дверцу, подскочил, подхватил незадачливого шефа – перепил небось начальник накануне, с ним это случилось! Хотя обычно он держался на зависть хорошо, и если бы салон машины не заполнял удушливый запах перегара, то и сам шофер ни в жисть бы не догадался!

Он помог Иголкину сесть на заднее сиденье, поинтересовался, как самочувствие. Получив затрудненный ответ, что все ничего, вот только странная сухость во рту и дышать тяжело, усмехнулся: знаем мы эту сухость с утречка, она нам всем знакома, горячего слишком много на грудь приняли накануне, господин начальник!

И только когда он доехал до места назначения и выскочил, чтобы распахнуть перед шефом дверцу, он понял по остекленевшему взгляду, что шеф того...

Помер шеф, одним словом.

* * *

Пасмурным майским днем генерал в отставке г-н Зайков отправился прогуляться до ближайшего магазина, находившегося практически напротив дома, только дорогу перейти. Покупок нужно было сделать совсем немного – так, мелочи, которые ему нужны были для дачи, куда он собирался отбыть завтра с утра. Он пристроился к кучке пешеходов, ожидавших зеленого, чтобы перейти на противоположную сторону. Неожиданный резкий прострел под правой лопаткой укрепил его в мысли, что ходить надо побольше: соли, артриты-радикулиты – все это, знаете, только движением можно изжить. Движение – жизнь. Он это еще с солдатских времен усвоил. С этой здоровой мыслью он и вошел в магазин.

Однако там он сразу почувствовал сухость во рту, головокружение, слабость и, бросив тележку, чертыхнулся и направился к выходу: ясно, что очередь в кассу ему не выстоять. Неужто грипп? Придется поездку на дачу отложить... Сейчас срочно водочки с перцем и витамин С – и поспать. К вечеру посмотрим, авось обойдется...

Жестокая судорога в горле прихватила его уже у подъезда. Он никак не мог вздохнуть, никак не мог ухватиться за скользкую от сырости круглую ручку тяжелой подъездной двери. Руки не слушались. Ноги тоже.

...Он так и умер, повиснув на дверной ручке.

* * *

– А помнишь, Цветик-Семицветик, когда я был маленький, я тебя спрашивал...

– Ты и сейчас маленький.

– А вот и не маленький! Большой!

– Ну, пусть. Дак чего ты спрашивал?

– Почему мамка меня не любит?

– Во заладил!

– Я знаю, что не любит.

– А почем ты знаешь?

– Тебя любит, а меня нет. Я плохой?

– Хороший, хороший, вот наказанье-то! Да не крутись в кровати, раз хороший, дай мне спать! И сам спи!

* * *

– Третий... – произнес вслух Алексей Кисанов, читая газету.

– Третий что? – внезапно отозвались звонким юным голоском глухие недра его квартиры.

Алексей Кисанов (в дружеском просторечии Кис) уж было собрался вздрогнуть от неожиданности, как голосок добавил: «Или кто?», выдернув его память из короткого амнезийного обморока: это же Юля, его свежеиспеченная секретарша!

– Человек. Третий человек убит. За последний месяц, – недовольно откликнулся детектив. Недоволен он был самим собой: никак не мог привыкнуть к наличию секретарши.

– Удивляюсь я тебе, Кис, – затеял пару недель назад разговор Ванька, его жилец и по совместительству ассистент, студент юрфака и по совместительству прогульщик. – Бабок у тебя теперь навалом, имя звучит, как модная торговая марка, клиент ломится, как в примерную к суперзвезде! Тебя уже можно под бой барабанов торжественно принимать в «новые русские»! А ты все живешь – совок совком. Ты хоть глянь вокруг себя, оторви глаза-то от компьютера: в квартире давно пора ремонт делать, желательно европейский! Мебель еще давнее требуется сменить – ну хотя бы в офисе! И секретаршу надо завести, Кис! Чтобы двери открывала, ослепительно улыбалась и гостя к тебе в кабинет провожала! А то несолидно как-то: открываешь сам, в джинсах, в тапках... Нет бы галстук, костюмчик, ботиночки начищенные...

– Угомонись, чертяка! – грозно рыкнул Алексей, все еще пытаюсь вникнуть в смысл изучаемых бумаг.

Ванька и впрямь со своей кудлатой башкой и быстрыми смешливыми глазами был похож на чертенка.

– Да нет, я серьезно! – Ванька разошелся и не собирался отступать. – Тебе пора менять имидж! Вот когда ты с Александрой идешь «на выход», на светские

мероприятия, – так любо-дорого посмотреть: та-а-акой мэн, суперстар, прямо хочется интервью у тебя взять! Ты же умеешь классно выглядеть! На иных хоть самый дорогой костюм нацепи – все мешок мешком, а на тебе костюмчик – как родной...

– Родные так дорого не стоят, – хмыкнул Алексей, – они бесплатно выдаются при рождении... А джинсы, что же, как двоюродные, что ли?

– Кис!!! – возопил Ванька. – Джинсы – это рабочая одежда! В них ра-бо-та-ют!!!

– Так а я что в них делаю? – простодушно поинтересовался детектив. Его забавлял юный Ванькин пыл. – Как раз и работаю...

– Ты издеваешься, да? А я, между прочим, прав! У кого хочешь спроси – солидному человеку нужен имидж. Специалисты по имиджу знаешь сколько зарабатывают? Миллионы! А все почему? Потому что я прав!

– Тогда они с тобой должны делиться, – заключил Кис. – Раз зарабатывают на твоей правоте. Проси проценты, Ванек!

– Издеваешься, понятно... Ты бы хоть раз послушался умных людей, а? Да куда там, ты же себя самым умным считаешь! А сам живешь, как шнурок какой-то, будто не видишь, что вокруг тебя делается! Сейчас каждая сопля и то старается себя подать, пыжится изо всех сил, а уж тебе-то, известному детективу, сам бог велел о своем престиже позаботиться!.. Иначе тебя никто уважать не будет!

– Тебя послать или сам сходишь? – рявкнул Кис. – И где ты только этой лабуды набрался?

– Ага, как чего не по-твоему, так сразу – «лабуда»! – обиделся юный наставник Кисовой жизни. – К тебе какие люди ходят!

– Какие?

– Солидные, вот какие!

– И что, у них на одну ногу больше, чем у меня? Или на одну голову? Или чего у них такого есть, что я должен ради них менять свои привычки? Они умнее? Лучше? Может, честнее?

– Ой, уморил! – Ванька комично ухватился за живот. – Ой, не могу! Вы слышали? Нет, вы такое слышали? «Умнее, лучше, честнее»! Кис, тебе сколько лет? Уже полтинник не за горами, а рассуждаешь, как... как... Я даже не знаю, как кто!

– Как нормальный человек, – проинформировал Кис.

– В таком случае, дорогой Алексей Андреевич, все остальные – ненормальны!

– Согласен, – с присущей ему скромностью одобрил детектив Ванькино умозаключение.

Кажется, на этот раз Ванька не нашел что ответить. Кис, хитро кося глазом в его сторону, ждал, какой еще философский фортель выкинет начинающий специалист по престижу.

– Они – хозяева жизни, – выдал наконец Ванька. – И когда ты являешься перед ними в таком непотребном виде, смотрят на тебя, как на прислугу, – добавил он с обидой в голосе.

Обижался он, ясное дело, за Алексея, к которому был сильно привязан.

– Они приходят ко мне с просьбой о помощи, балбес. Запомни, в жизни пригодится: проситель всегда находится в слабом положении. Как там насчет «хозяев жизни» – не знаю, но хозяин положения – я. И от меня зависит, окажу я им помощь или нет.

Ванька задумался.

– Понял, – сказал он через минуту. – Чего ж не понять... А все-таки имидж не помешал бы!

– Мой имидж, если тебе так нравится, – это его отсутствие. Тот, кто приходит ко мне за помощью, ждет от меня дела, а не начищенных ботинок. И я свое дело

знаю. Вот и весь имидж. А прибабасами пусть обзаводятся те, кого больше не за что уважать. Тема закрыта.

– А секретарша? – жалобно спросил Ванька. – Подумай, тебе же и в самом деле нужна секретарша, Кис! Ты же зашиваешься! А меня как раз одна девчонка с курса просила ей работу помочь найти... Она иногородняя, ей зарабатывать надо, родители не могут ее содержать... А?

– С этого и надо было начинать, – рассмеялся Алексей.

Дела в последнее время пошли до такой степени обильно и прибыльно, что он и впрямь начал не на шутку зашиваться, особенно с писаниной и классификацией бумаг.

– А то развел тут пропаганду нездорового образа жизни... – ворчливо добавил он. – Хотя ремонт, пожалуй, надо будет сделать... Когда-нибудь. А подружка твоя пусть приходит. На полставки, раз студентка. И ползарплаты, разумеется. Испытательный срок – неделя.

Так и появилась в квартире Алексея Кисанова секретарша Юля. Слово «свежеиспеченная» шло к ней необыкновенно: она и впрямь была похожа на свежую маленькую булочку со смугло-румяной корочкой и с черными любопытными изюминами-глазами. И имя Юля ей шло: крохотулечного роста, с пухлыми щечками и заметно выдающейся грудью, она была на редкость подвижна и стремительна и в движениях напоминала раскрутившуюся юлу. Как управлялась Юля в университете с премудростями законодательной науки, Кис не знал, но в делопроизводстве девица оказалась весьма толковой. И он не без некоторого удивления заключил, что секретарша – вещь и впрямь хорошая и в хозяйстве полезная.

...Недра квартиры фыркнули в ответ Юлиным голосом:

– Только третий? За месяц? Я думала, что в Москве убивают как минимум пяток в день! Врут, что ли, газеты?

– Не врут. Просто это уже третий случай с одним и тем же, довольно необычным, способом убийства – отравленной иглой. Занятно. Сделайте кофейку, Юлечка, – добавил Кис и направился к кухне, из которой незамедлительно донеслись звуки воды и звон посуды. Юля была девушкой расторопной и исполнительницей.

В своей огромной трехкомнатной квартире на Смоленке Кис не нашел для секретарши более подходящего места, чем кухня. О нет, не потрясайте грозным оружием мщения, амазонки и ярые феминистки! Кис женский пол всяко уважал и даже был где-то как-то за равенство полов... С одной лишь поправкой, которую не объедешь: равенства в людях вообще и в полах в частности никогда не было и не будет. Равные права – да, конечно, это мы со всей душой «за», а вот равенство... Все, молчу, молчу. Не хотите, чтобы вам сумку тяжелую поднесли, сами будете кряхтеть? Ладно-ладно, пожалста! Пальтишко не подать? Ну, что вы, конечно же, я не стану вас унижать подачей пальтишка, как скажете. Стоять у плиты не желаете? Ну...

Извините уж, но в обязанности новой Кисовой секретарши входит и приготовление всяких чаев-кофеев. Она свои ползарплаты за это, между прочим, получает. Так что у нас все тип-топ, девушки, сплошная демократия. Складывайте ваше оружие, феминистки, прячьте маникюрные ножницы и коготки наточенные убирайте прочь.

А кухня в качестве места обитания выпала Юле по одной простейшей причине: нехватки места. Одну комнату занимал Ванька, расплачиваясь за нее с Алексеем разными услугами в сыщицкой работе и в компьютерных премудростях; вторую – сам Алексей, третья же гордо именовалась офисом его детективного агентства АКИС (Алексей КИСанов, понятно, да?). Присутствие постороннего человека в офисе Кис не вынес бы – не нужна ему была девица под носом целый день напролет, девица к тому же любопытная, неумеренно склонная к задаванию вопросов. Да и места в офисе было маловато, и, хоть Юля росту всего ничего, да ведь не посадишь секретаршу просто на стул – ей еще и стол нужен... Вот и нашелся стол – кухонный. За ним Юля отвечала на телефонные звонки с 15 до 19, регистрировала в большой тетради клиентов, расписание встреч детектива и прочие дела, вела несложный бухгалтерский учет. А также готовила кофе и бутерброды для Алексея и, случалось, для Ваньки, когда бездельник прогуливал занятия и при этом невзначай оказывался дома. Надо сказать, что в эти редкие дни бутерброды получались почему-то особо вкусными, а сервировка стола – более изысканной.

– То есть один почерк? – проявила чудеса сообразительности Юля, ставя чашку с кофе на стол.

– Правильно, – похвалил будущего юриста Кис, пододвигая к себе тарелку с бутербродами.

– Будете расследовать? – почтительно спросила Юля.

– Милая Юля, я вам уже объяснил, что расследую только то, о чем меня просят и за что мне платят. Мы частная фирма, работаем по заказу. И, бог миловал, никто мне расследовать эти убийства не поручал.

– Разборки? – выдвинула версию Юля.

– Если разборки, то очень своеобразные. Слишком уж показательные.

– Мафия? – пожелала уточнений секретарша.

Кис не успел ответить, жуя бутерброд, как зазвонил телефон, и Юля бросилась к аппарату.

– Детективное агентство АКИС, слушаю вас, – приветливо пропела она в телефон. Юле работа была еще в новинку, клиентура Алексея поражала ее девическое воображение, и от повышенного почтения голосок ее нежно подрагивал. – Алексей Андреевич, это вас! – И, прикрыв трубку ладонью, прошептала: – Алексанна Кириллна звонит.

Иными словами, Александра. Талантливая журналистка, красавица и любимая женщина.

Нет, лучше так: любимая женщина, талантливая журналистка и красавица.

Вчера они не виделись: она была на приеме в каком-то посольстве, он сидел над скучнейшей, но необходимой частью своей работы – отчетами. Дело ведь не только нужно раскрыть, но и отчет заказчику написать. К счастью, не все клиенты отчетов требовали – лишь те, кто желал предъявить плоды

расследования в зубы неверному супругу, нерадивому служащему или подлому конкуренту. Писанину эту Кис страстно ненавидел всей душой, но переложить ее целиком не мог ни на Ваньку, ни на Юлю: во многих делах требовалась строжайшая конфиденциальность. Вот и пылился вчера Кис над бумагами в одиночестве.

Трубку принял из Юлиных рук радостно: решил, что любимая женщина звонит с тем, чтобы условиться на сегодняшний вечер. Но любимая женщина не замедлила напомнить, что, кроме сего лестного статуса, она имеет еще статус журналистки, причем куда более известна широким массам именно в этом, последнем, качестве. И что звонит любимая женщина как раз в этом самом последнем качестве и исключительно по делу. Дело же заключается в предложении поработать на весьма популярное и крупное еженедельное издание, которое намерено провести журналистское расследование.

– А при чем тут я, если расследование журналистское? – подозрительно спросил Кис.

– Ну это только так называется, потому что ведет его журнал или газета и отвечают за него журналисты. А уж кто и как будет добывать факты и правду – неважно.

– Плагиат это называется, – проворчал Кис. – Расследуют сыщики, а зовется журналистское.

– Что, славы не хватает? – усмехнулась Александра. – Мало слупил тогда на телевидении[1 - См. роман Т. Гармаш-Роффе «Ведьма для инквизитора», в котором детектива берут в заложники во время популярной телепередачи.]? Или с той поры разлакомился?

– Времени не хватает, вот чего, – буркнул Кис. – А со славой как раз перебор, завален по горло, ты же знаешь! Напрасно ты меня рекламируешь своим коллегам...

– Не прибедняйся, солнышко, разве ты нуждаешься в рекламе? Ты у нас звезда экрана! И всем хорошо известно, что я являюсь особой, приближенной к звезде. Вот меня и просят посодействовать... Алеша, это очень серьезно. – Обычная усмешка вдруг ушла из ее голоса. – И бабки редакция готова отстегнуть

немыслимые.

- Чего расследовать-то? - буркнул Алексей, внутренне сдаваясь. Каждый из стимулов в отдельности был сам по себе вполне достаточен: и просьба Александры, и «немыслимые бабки». А уж взятые вместе...

Однако оказалось, что расследовать надо ни много ни мало как те самые загадочные убийства очень важных персон. Вип, иными словами[2 - Аббревиатура от английского Very Important Person - дословно: очень важная персона.]

- Нет, - быстро сказал Кис.

- Алеша, - строго начала Александра, - Алеша!!!

Кис, не дослушав, пустился загибать пальцы:

раз: дело сложное, что издали видно и нос чует, и тогда придется бросить все текущие дела, а их много;

два: там уже столпилась вся московская милиция с прокуратурой, брошены лучшие силы, и федералы наверняка не сидят сложа руки, и крутиться у этой компании под ногами ему вовсе не улыбается, да и компания не потерпит;

три: к випам не подступишься, к семьям не подберешься, на все нужно испрашивать разрешение, согласие, а люди это по большей части капризные, охранниками забаррикадированные. И он, Кис, не самоубийца, чтобы...

- Утомил, - сказала Саша, - поняла. А все же подумай, ладно? Не забудь, бабки бешеные!

- Подумаю, - заверил Кис. - Что у тебя сегодня вечером?

Но она уже отключилась.

«Что за жизнь собачья!» – вздохнул Кис.

Алексей Андреевич Кисанов, частный детектив и мужчина в расцвете сил, самым бессовестным образом с собой лукавил и кокетничал: жизнь ему вполне нравилась, вместе с работой, нехваткой времени, азартными играми расследования, Александрой по вечерам (и ночам, разумеется), свободой души и совести от начальства вкупе с неплохими заработками.

Последнее было редким сочетанием.

Предпоследнее было редким счастьем.

...Им постоянно друг друга не хватало. Не каждый вечер удавалось провести вместе или сойтись хотя бы ночью в постели – жизнь на две квартиры определяла свои правила. Кис обзавелся вторым бритвенным прибором, который поселился в ванной Александры, а в ванной Алексея устроились разные женские штучки: кремчики, лосьончики, ваточки, флакончики... Перечень, разумеется, неполный, но на полный не хватило бы и толстой амбарной книги. В шкафах у каждого вещи-старожилы потеснились, чтобы дать место вновь прибывшим: футболки и джинсы Киса ужались, высвободив полочку для трусиков, лифчиков, кофточек, а костюмы уплотнились, впустив несколько женских нарядов, которые не замедлили пропитать вещи Алексея запахом женских духов. Шкаф Александры также засвидетельствовал свое гостеприимство, приняв в свою утробу небольшую стопку мужского белья, рубашки, пару костюмов и несколько галстуков. Частенько один из них с утра хватался именно той вещи, которая обитала в данный момент, как назло, в другой квартире. Иногда примитивная нехватка какой-нибудь одежды вынуждала разъезжаться ночевать каждого к себе, чтобы с утра иметь под рукой все необходимое.

Тем не менее такая жизнь их устраивала. Ни один из них не хотел покуситься на свободу другого, излишне связать своим постоянным присутствием, обременить совместным бытом: слишком долгой была жизнь до их союза, у каждого своя, независимая и одинокая. И, постоянно голодая друг по другу, в результате они находили в этом даже прелесть. По крайней мере, когда их кидало с порога друг другу в объятия, когда они наслаждались каждой минутой совместного ужина или прогулки, когда Александра устраивалась под рукой Алеши на диване перед телевизором, они, несомненно, чувствовали, что мгновения такого насыщенного

счастья и единения компенсируют все сложности и хлопоты, связанные с их несемейным союзом. Может, именно потому их вечера были такими уютными, а их ночи такими же безумными, как в первый раз?

Как знать, по-другому они пока не пробовали... И пока не собирались.

* * *

- Цветик! А ты меня любишь?

- Люблю.

- Сильно?

- Сильно.

- Хорошо, хоть ты меня любишь...

- И чего ты в голову себе вбил, что мамка тебя не любит? Она тебя разве обижает когда?

- Не. Просто она на меня так пусто смотрит... На тебя не так, Цветик. Она на тебя с лаской смотрит. Как если б тебе бублик, а мне дырка от бублика... Вот одного не знаю: почему?

- Вот я тоже не знаю: чего ты все глупости придумываешь?

- Ты нарочно так говоришь, сознаться не хочешь! А я уже большой! Меня не обманешь!

- А вот будешь глупости придумывать, я тебя тогда тоже любить не буду!

- Ты сказала - «тоже»! Как мамка, да?

– Чего к словам придираешься? Чего вскочил-то? Ну-ка, ляг обратно! Дай одеяло подоткну... И спать, быстро!

* * *

Он согласился через несколько дней, когда стало известно о четвертом убийстве с тем же почерком. На сей раз отравленная игла досталась заместителю гендиректора большого завода на Урале. Правы диалектики: количество имеет стойкое обыкновение переходить в качество, и после известия об очередном убийстве Кис это качество вдруг ощутил в виде острого сыщицкого зуда и неодолимого желания влезть в сапоги-скороходы. «Кис в сапогах» – это его Ванька так называл.

Однако перед тем, как сказать свое благосклонное и долгожданное «да», Кис изрядно повредничал, покапризничал, условий наставил.

Прежде всего затребовал содействия издания-нанимателя в расследовании. Издание-наниматель содействие обещало, хоть задачка была и непростой. Вокруг этих убийств уже крутилось множество различных служб, но до сих пор следствие не сдвинулось с мертвой точки. Ни в одном из четырех убийств подозрительное лицо не было замечено. Не прослеживалось никакой связи между убитыми, ни общих дел, ни политических интересов, и невозможно было вычислить, кто станет следующей жертвой. И будут ли вообще новые жертвы. На всякий случай охрана вокруг разных випов была усилена, и в атмосфере разрастающейся паники газета, имевшая немалый политический и финансовый вес, сумела ею воспользоваться: договориться с нужными людьми, что сыщику, откомандированному редакцией, мешать не будут и допустят к информации и к семьям погибших.

Кис затребовал обеспечить доступ к информации, которой располагало официальное следствие, распорядился предоставить ему все вырезки по прессе, касающиеся загадочных убийств, а также велел редакционному интернетчику выловить и распечатать всю информацию, включая иностранную, какая только есть в Сети. От Александры в наказание за повышенную инициативу взял обещание лично договориться с семьями погибших о встрече с детективом.

К ее помощи Кис решил прибегнуть не случайно: в обстановке траура, дел по наследству, дележки имущества, горя (или тщательно скрываемой радости

облегчения) от смерти мужа и отца, в плотном кольце допросов разведомственных следователей и журналистов – в безумии этих событий, навалившихся разом на осиротевшие семьи, новое лицо и новые расспросы могут вызвать только однозначно негативную реакцию. Поэтому Кис предпочел, чтобы о встрече договаривался мягкий женский голос, а не его мужской; дипломатичная Александра, умеющая подать вещи в нужном свете, а не он сам, несколько прямолинейный и не всегда тонкий, не всегда находчивый на слова детектив. «Наша газета старается помочь следствию... Мы понимаем ваше горе... Нам нужно объединить усилия, чтобы найти и наказать убийцу... Нельзя пренебрегать ни малейшим шансом... Частный детектив навестит вас в любое удобное вам время...» – Александра это отлично умеет, вот пусть и отрабатывает свою провинность, коль скоро уж втянула Киса в это дело.

Спустя два дня Алексей располагал всей запрошенной информацией. Ситуация выглядела следующим образом.

Менее чем за полтора месяца было совершено четыре убийства. Два в Москве, одно в Питере, последнее на Урале, в Екатеринбурге. В Москве были убиты депутат и гендиректор банка, в Питере – крупный военный чин в отставке, на Урале – заместитель гендиректора большого металлургического завода. Действительно, сплошные випы. Убиты все одинаково: ядовитой иглой, выпущенной из некоего духового оружия, что-то в роде индейского сарбакана[3 - Охотничье оружие американских индейцев, представляющее собой довольно длинную трубку, из которой выдувают маленькую стрелу, смазанную ядом кураре, оказывающим нервно-паралитическое действие.]. Что именно за оружие, до сих пор определить не удалось.

Иглы были медицинскими, металлическими, с отрезанными насадками, то есть без той части, которая вставляется в шприц и имеет расширение. Они входили в тело почти полностью и постепенно выпускали быстродействующий яд – ботулотоксин в высокой концентрации: смертельная доза меньше одной тысячной доли миллиграмма. Даже если человек умирал не мгновенно, спасти его было невозможно: яд успевал до приезда «Скорой помощи» достаточно распространиться по кровеносным сосудам...

Места попадания были разными, что связано, скорее всего, с тем, что випы, как правило, прикрыты охранниками и убийца выбирал тот участок тела, который попадал в поле его зрения. Ни в одном случае подозрительное лицо не было замечено: каждый раз убийство происходило в людных местах, на открытом

воздухе.

Общего в прошлом у всех четверых – всего лишь карьера при советской власти и в Москве. У них и еще у пары-тройки миллионов сегодняшних випов. Удивили.

Все они были мужчинами, разница в возрасте колебалась до 20 лет. Все они занимали достаточно заметное положение в обществе. Все были между собой знакомы, чем трудно удивить в наше время, как, впрочем, и в любое другое время, – на то они и випы, и при советской власти они уже випами были. А рука руку моет, как известно. Обоюдные услуги, одни и те же кормушки, одни и те же больницы, санатории, дома отдыха, элитные дачи...

В свое время все жили в Москве, но при этом никогда не работали вместе. Двое москвичей – оба бывшие крупные партийные работники, уралец – бывший профсоюзный босс, ухватившийся за завод еще при Горбачеве и уехавший жить поближе к месту работы. Военный чин им же и был при советской власти. Вышел в отставку лет пятнадцать назад и под флагами перестройки двинул в родной Ленинград, где открыл частную торговую компанию по продаже и установке пуленепробиваемого стекла.

У следствия до сих пор нет ни одного стоящего направления. Версия мафиозных или иных деловых разборок была взята за основу, но пока не удалось установить какие бы то ни было политические или деловые контакты между четверьмя убитыми. Отрабатывается также версия маньяка, хотя в ней смущает географический разброс убийств: маньяки, как правило, действуют в одном географическом районе. Но у правил есть исключения, и потому «маньячная» версия остается в работе. Где-то на обочине следственной мысли пустила робкие корни гипотеза «диверсии с целью дестабилизации общества». Проблема, однако, заключалась в том, что на происки ЦРУ в наши дни трудно что-либо списать, на террористов тоже – они предпочитают массовые убийства при помощи взрывов; а ежели допустить, что действует некая внутренняя тайная политическая группа, то к чему она могла приурочить «дестабилизацию»? К предстоящим президентским выборам? Подпортить кандидату репутацию? До выборов, однако, еще далеко...

Единственным стоящим направлением были, с точки зрения Алексея, поиски лаборатории, где яд мог быть изготовлен и очищен, доведен до столь высокой концентрации.

Ну-ну, бог в помощь, ребяташки, Кис у вас под ногами путаться не будет, в конкуренты вам набиваться не собирается. Да и не смог бы, ежели б и захотел: все деловые бумаги убитых были изъяты, и над ними уже морочится не одна умная голова. Просить их на изучение – дело гиблое: следствию они нужны, а скопировать их, все эти ежедневники, письма, отчеты, записные книжки – гора бумажных изделий, – ксерокс подавится...

Так что хочешь не хочешь, а придется частному детективу довольствоваться тем, что осталось.

А чтобы узнать, осталось ли что-нибудь ему в качестве пищи для размышлений, нужно навестить семьи жертв. Глядишь, чего-нибудь и накопается... Мало ли, может, какая неприглядная история случилась в общем для всех жертв прошлом, а теперь охотится за ними мститель... Хм, натяжка была, мягко говоря, очевидной: какой мститель станет выжидать столько лет?

Ну, а вдруг «иглоукалыватель» задумал, к примеру, в президенты баллотироваться? Или его, допустим, на Нобелевскую премию выдвинули? В связи с чем он экстренно испугался бывших друзей, участников или свидетелей старых грешков? И решил их быстренько убрать? Хм, звучит, конечно, не очень убедительно, но чем черт...

Шантаж? При шантаже грозят разоблачением и в наказание разоблачают. Шантажисты жертв доят, а не убивают... Вот разве что все четверо сами оказались шантажистами и «дойная корова» отказалась давать молоко, кардинально избавившись от четверки с повышенными аппетитами?

Или, к примеру, вдруг жены випов расстарались, наняв общего киллера, чтобы избавиться от мужей и в то же время спихнуть все на маньяка или террористов? Похожий случай был уже в практике детектива.[4 - См. роман Т. Гармаш-Роффе «Шалости нечистой силы».] Надо будет проверить связи между женами. Выяснить, знакомы ли супруги между собой и достаточно ли близко, чтобы сговориться на подобное? Их отношения с покойными мужьями, интерес в их устранении. Не изменяли ли мужья, чтобы отомстить им за неверность? Каковы условия завещаний?

Одним словом, классический вопрос следствия: кому это выгодно?

Короче, пора заглянуть в гости.

* * *

Кис начал с москвичей, а именно с вдовы депутата Алевтины Иголкиной.

Коренастая, с низким тазом и короткими ногами, Алевтина чем-то напоминала помесь таксы с боксером: короткая стрижка рыжеватых крашенных волос, крепкие щеки со здоровым, не знающим сомнений румянцем, поставленный командный голос. К смерти супруга Алевтина Иголкина отнеслась по-деловому, в силу чего никаких признаков горя стоически не выказала, но зато продемонстрировала готовность следствию всячески помогать, дело мужа – продолжать. Она была явно тем, что называется «идейная соратница»: один из борцов за общее дело выбыл из рядов – что ж, сомкнем плотнее ряды, товарищи!

Уже через пять минут разговора Кис был уверен, что депутатская карьера мужа управлялась на домашней кухне именно ее твердой рукой. Сама Алевтина работала в районной управе, где сидела на разрешениях на строительство, – не столь престижно, как Дума, но зато весьма доходно и куда менее броско. По вкладу в семейный бюджет Алевтина наверняка могла бы с мужем потягаться...

Кис, конечно, знать не мог, но легко представил, как Иголкина, энергично рубя воздух крепкой ручкой и потрясая крепкими щечками, выступает на собраниях за социальную справедливость – и при этом без колебаний берет взятки за левые разрешения на строительство, торгуясь о сумме со всей партийной прямотой. А некоторое расхождение теории социальной справедливости с практикой мздоимства подобному мастодонту советской номенклатуры представляется нормой...

Выслушав твердые заверения, что никаких грехов молодости и темных дел за ее безупречным супругом не водилось, Кис попросил разрешения посмотреть фотографии, на что Алевтина откликнулась с энтузиазмом. Устроившись на диване как-то очень уж вплотную к Алексею, она принялась комментировать старые фото из альбома, который чрезмерно по-товарищески разложила одной обложкой на колено детектива, другой – на свое, отчего их колени соприкоснулись, вызвав у Алексея произвольное желание отодвинуться. Однако пришлось сдержаться: чем только не пожертвуешь, чтобы информацию накопать! Чуть не на каждой странице Алевтина гордо тыкала на лица коротким

пальцем с красным, как советское знамя, маникюром: «Узнаете? Ну как же нет?! Это ведь секретарь ЦК Косиков! А этого? Это же тогдашний министр иностранных дел! Ну вот этого вы наверняка узнали, да? Ну вы что, в самом деле, это же народный артист СССР Безухий! А это же наша любимая певица, Тучкина, как она песни народные пела, ее весь ЦК заслушивался! Узнали наконец? Мне вот, между прочим, пятьдесят семь, а память лучше вашего!..»

Тут Алевтина выдержала значительную паузу, и Кис почувствовал себя принужденным выдать комплимент:

– Вам не дашь вашего возраста...

Чутье его не подвело – Алевтина ждала именно этих слов, чтобы радостно пуститься в хвастливые комментарии: «Мне никто не дает моего возраста! А все почему? Потому что не позволяю себе распускаться! В тренажерный зал хожу три раза в неделю! У меня лучшая косметичка в Москве! Лучший парикмахер! Лучшая портниха! Потому и выгляжу так молодо! Женщина обязана за собой следить, я не выношу, знаете, этих распустившихся тетех, которые окружают себя внуками и выглядят совершенными старухами, хотя вполне могли бы выглядеть как я!»

Кис едва сдержал улыбку. Алевтина не выглядела молодо, точно так же, как и не выглядела женщиной. Она была чем-то неопределенного пола и неопределенного возраста, просто «товарищем за пятьдесят». Усилия лучших косметичек, парикмахеров и портных остались, увы, втуне: не в коня корм, что называется... Но дело даже не во внешних данных, а в том, что Алевтина Иголкина была лишена малейшего обаяния. Самоуверенная до предела, из тех, для кого существует только два типа мнений: свое и ошибочное, – такие «соратницы» скручивают мужей и подчиненных в бараний рог. Оставалось только поинтересоваться (мысленно, разумеется), как это покойный депутат так вляпался.

Впрочем, по молодости лет в кого не влюбишься, а когда опомнишься, то ошибка оказывается неисправимой: от супружниц, подобных Алевтине Иголкиной, не уходят. Ненавидят, да, но не уходят: ее одноклеточная идейность не пускает, она строго призывает к порядку! Пристегивает к порядку, приваривает к порядку. Такой даже не изменяют – не потому, что любят, а потому, что боятся...

Люди, подобные Алевтине, частенько «от сохи», сформировались под лозунгами еще советско-сталинского режима, который пропахал ровно две борозды в сером веществе. Идеологическая вода гнала свои сумрачные волны по бороздам «от сохи» мощно, прямо и уверенно. Собственное мнение, если оно вдруг и поднималось, как пузырек со дна, быстро лопалось под напором мутной водицы идейного промыва «мнения партии». Из мозгов эта парализующая жидкость втекала в кровь и плоть, и стоило устроить начальственный разнос за неверную идеологию, как весь отравленный водицей организм немедленно начинал ощущать «глубокое раскаяние» и «осознание своих ошибок»...

Это нонече народ распустился, при демократии. Скажи сегодня кому-нибудь, что он должен жить ради идеи построения светлого будущего, – он тебя отправит в это самое будущее далеко и надолго. А тогда... Кис помнил чувство мучительного стыда, когда в первом классе учительница, отчитывая его за опоздание, стращала тем, что он никуда не годен как строитель коммунизма и в октябрюта его не примут...

Алексей с «глубоким раскаянием» и «осознанием своих ошибок» покончил к классу пятому и с тех пор любую мысль и любое мнение проверяет собственным интеллектом, прикладывает к шкале собственных ценностей. Но таких, как Алевтина Иголкина, – с идеологической «бороздой» в мозгу – было вокруг до изумления много, особенно в поколении за сорок...

Да, от подобной супруги уйти невозможно. А если вдруг и найдется отважный безумец – по партсобраниям затаскает. Докладные напишет, товарищеский суд соберет, призывая к идейности и ответственности в деле создания общественной ячейки – семьи... Себе дороже. Жить с ненавистной в разных комнатах (а таким особо секса и не надо, у них оргазм случается от приступа идейности при виде светлого лика вождя) – куда ни шло, но ни за что не разводиться!

– Стыдно таких людей забывать, это же все наша гордость! – отчитывала его меж тем Алевтина. – Вот Измайлова, узнаете?.. – Короткий палец уткнулся в красивое лицо известной актрисы. – А вот режиссер Сергеевский, ее муж! Помните? Он все фильмы с ней ставил! А-а-а, вот видите, вы тоже кое-что начали вспоминать!

Кис исправно кивал, вглядываясь в некачественные старые снимки. Фотографии относились к 70-м годам, когда товарищ Иголкин, успешно делавший карьеру в

горкоме комсомола, методично запечатлевался на всех фото с тогдашней элитой. И теперь его вдова жаждала пусть нечаянного и маленького, но триумфа, и посему попавшийся в ее лапы собеседник был просто обязан помнить и узнавать лица известностей, чтобы их окружение придало вес и ценность трудовому пути почившего супруга, а его простецкому крестьянскому лицу – ореол элитарности...

Нашлись в альбомах и снимки, на которых оказались и трое других загадочно убитых вивов. На вопрос Киса вдова категорически заявила, что не только дел, а даже личного контакта между почившим супругом и другими жертвами в последние годы не имелось. Да и на фотографиях не просматривалось ничего личного – всегда группами, всегда в официальных местах: то на фоне достопримечательностей, то на каких-то банкетах за роскошными длинными столами, в окружении тогдашних знаменитостей... У Алевтины оказалась цепкая память, она без запинки сыпала именами и званиями, и Кис едва поспевал делать пометки в блокноте. Покончив с просмотром, испросил разрешения взять некоторые снимки, с тем чтобы их сканировать и вернуть вдове в ближайшее время, после чего приступил к архивам.

У вдовы нашлось одно несомненное в глазах Алексея достоинство: все бумаги мужа она аккуратно подшила, вот наградные грамоты по линии комсомола, вот папочка с личными письмами – «прошу вас, там ничего интимного!». А вот...

– Вы ни за что не догадаетесь, что я вам сейчас покажу! – интриговала Алевтина, раскрывая папочку. – Представьте, он сочинял в молодости стихи! – проговорила она с наигранным умилением. – Такой был романтик! Мне поэмы целые посвящал! Вот, посмотрите, Алексей Андреевич!

Странно, что она не назвала его «товарищ Кисанов»...

Он посмотрел.

Сначала на стихи.

Потом на Алевтину Иголкину.

«Июнь, как скульптор, лепит груди...»[5 - Здесь использована строчка из стихотворения В. Бокова.]

Это - о ней?!

Стихи - Кис прочитал все - были действительно о любви. И насыщены едва намеченной, но оттого еще более напряженной, пряной эротикой.

Ну нет, увольте меня из детективов и вообще из мужчин, но такого не может быть! У Иголкиной и груди-то не наблюдалось, и с ногами «стройными» очень проблематично, а уж «узкая щиколотка» могла пригрезиться только во сне, причем не о ней...

Собственно, дело даже не в подробностях телосложения Алевтины Иголкиной. Если бы стихи были о том, как они, соратники, победят в борьбе за дело Ленина, он бы не удивился... Но такое, как эти стихи, не пишут таким, как эта женщина. Вот и все.

Тем не менее на стихах стояло посвящение: «А.И.». Ну что ты будешь делать... Чего-то, стало быть, недопонял товарищ детектив в товарище депутатше... Разве только допустить, что в расцвете своей юности она была другой? Кис изучающе глянул на Алевтину, но его воображение решительно объявило забастовку.

Меж тем Алевтина смотрела на него выжидательно-призывным взглядом, и Кис с ужасом понял, что от него ждут комплимента насчет... Стихов? Или восхитительной груди, сохранившей, надо полагать, как и ее лицо, молодость форм?.. Интересно, а может ли быть форма у несуществующей вещи? Алексею даже отчего-то со страхом подумалось, что в доказательство потрясающей молодости своих форм Алевтина со всей партийной прямоотой распахнет кофточку на груди и...

Что могло бы произойти дальше, воображение Алексея, скукожившись от ужаса, категорически отказывалось представить.

Он что-то пробормотал о замечательных стихах и поспешил ретироваться.

* * *

От Алевтины Иголкиной Кис прямым ходом отправился к вдове директора банка Хруповой. К удаче детектива, она находилась в московской квартире (а не в загородном доме на Рублевке).

Еще за дверью он услышал раздраженный женский голос, и вскоре его обладательница появилась перед ним на пороге: очаровательная кукольная блондинка лет тридцати с очаровательной кукольной блондинкой лет трех на руках. У мамы и у дочки пухлая нижняя губка была одинаково прикушена хорошенькими белыми зубками в выражении досады и недовольства.

– Да, помню, – бросила она, когда детектив представился, и закричала куда-то в глубь квартиры: – Анна Пална! Заберите Инессу!

– Здравствуй, Инесса, – улыбнулся девочке Алексей и протянул руку навстречу крошечной ладошке. В последний момент Инесса отдернула ручонку и захохотала, дрыгая крепенькими ножками и пряча лицо в мамину шею.

– Анна Пална!!! – Голос блондинки сорвался в визг.

– Иду, иду... – Пожилая женщина выплыла из недр квартиры, переняла ребенка и понесла его по коридору. Инесса все крутилась у нее на руках и выворачивалась таким образом, чтобы видеть незнакомого мужчину, стоявшего у порога, улыбаясь во весь маленький пухлый ротик и помахивая ему обеими ручками. Если бы это не было столь неуместно в приложении к трехлетней девочке, Кис бы непременно счел, что девица с ним кокетничала изо всех сил.

– Пойдемте, – бросила ему молодая вдова и повела его по огромному коридору (явно бывшая коммуналка) в комнату.

Они уселись за столом, накрытым темно-красной скатертью с золотым шитьем. Дубовая мебель – антикварная или под нее – делала гостиную мрачной.

– Зинаида, – недовольно представилась блондинка. – Что вы хотели узнать?

Кис обозначил тот же сценарий, что и у депутатши: фотографии, письма, другие личные архивы – все, что осталось после изъятия бумаг официальным следствием, да несколько вопросов о связях с другими жертвами.

– Анна Пална! – снова закричала Зинаида, и Кис с трудом подавил желание заткнуть уши. – Где у Герочки архивы лежат?

«Герочка» – это, судя по всему, покойный директор банка, которого звали Германом и который был лет этак на тридцать старше жены. Теперь вдовы...

Анна Павловна кивнула и исчезла, а Зинаида нервно закурила. Но через мгновение раздался детский голос: «Ма-ам! Ма-а-ама!» Голосок был постарше и принадлежал, скорее всего, мальчику. Владелец этого голоса не замедлил возникнуть на пороге комнаты. Хорошенький мальчонка лет пяти хмуро поглядел на Алексея, не здороваясь.

– Что надо сказать?! Что надо сказать, а?! – Зинаида нервно раздавила окурочек в хрустальной пепельнице.

– Я не хочу купаться, – надул губы, такие же пухлые, как у его сестры, мальчик.

– Поздоровайся немедленно с дядей!

Кис страсть как не любил эту манеру называть всех мужчин «дядями», а женщин «тетями». Какой он, к черту, ему дядя? С какой стати ему «племянника» всучивают?.. Да еще такого невоспитанного...

– Меня зовут Алексей Андреевич, – сообщил мальчугану Кис. – А тебя как?

– Никак, – заявил тот и высунул язык.

– Ты что же это, а? Ты как себя ведешь?! – взвилась в истерике его родительница.

Кис почувствовал, как подступает головная боль.

– Анна Пална! Пойдите сюда!! – истошно вопила Зинаида. – Уведите его, закройте его в комнате за плохое поведение!

Няня, свалив Кису на колени какую-то цветастую торбу, поспешно ухватила мальчугана за руку и потащила его из гостиной.

– Идем, Славочка, идем... – приговаривала она.

Славочка намертво вцепился в дверной косяк и злым взглядом уставился на мать и на «дядю».

– Идем, идем, – твердила бедная няня, отдирая его побелевшие от усилия пальчики от косяка. Наконец ей удалось увести ребенка, и Зинаида с облегчением закрыла за ними дверь гостиной.

– Я никогда не хотела иметь детей, – пожаловалась она, не глядя на детектива и прикуривая новую сигарету. – Это все Гера! Он на тридцать лет старше меня, понимаете? Все его знакомые двусмысленно улыбаются, когда он на мне женился... Так он хотел всем доказать, что может! – Зинаида вдруг засмеялась. – Если бы он отважился, он бы и приглашения раздал к нашей постели! Чтобы все видели, как он может!

Глубокий, горестный вздох медленно погасил ее улыбку.

– Хотя он их любил, детей... Только вы ничего такого не думайте, я вообще-то тоже их люблю... Устаю только от них очень.

– Как вы теперь будете управляться, без мужа? – спросил Кис по возможности участливо.

– Как-как! Вторую няню найму!

Логично: судя по голосу няни, долетавшему из-за двери, в одиночку она с ними не справлялась.

– А что, раньше муж не позволял?

– Представьте себе! Он хотел, чтобы я детьми занималась! Примерной матерью была! А я ему сколько раз объясняла: я не создана для материнства!

– Да? А для чего же? – простодушно удивился Кис, ловя себя на том, что, похоже, переигрывает.

– Для светской жизни, – с вызовом объявила Зина. – Только не вздумайте читать мне мораль! Материнство – это святое, трали-вали, долг женщины и прочая хрень. Я люблю красивые шмотки, приемы, курорты, поклонение... Я привыкла к этому, понимаете? Вы знаете, что я была манекенщицей?

Кис знал, но наивно полагал, что одно с другим могло бы и сочетаться... Впрочем, дело барское. Каждому свое. По крайней мере, Зина была откровенна. И муж ей в определенной степени мешал – вот это важно.

– Ну, теперь-то вы сможете жить так, как вам захочется? – закинул он удочку.

– Это уж точно, – дернула плечиком Зина. – Теперь – да. Вот закончу дела с нотариусом – и в Париж.

– К любовнику? – понимающе улыбнулся Кис.

До них донесся детский вопль и рассерженный голос Анны Павловны.

– Вы что? Разве при такой жизни можно завести любовника? – кивнула на дверь Зинаида. – Я детьми была постоянно прикована к дому, как кандалами! Герочку умиляло, когда он видел меня с младенцем на руках... Мадонну, блин, себе нашел... Ему наплевать, что моя молодость проходит в горшках и пеленках. – Зина едва не плакала от жалости к себе. – Что время уходит, красота уходит... Вы все, мужчины, – рабовладельцы! А мне из одного рабства в другое неохота! Нет уж, больше ни мужей, ни любовников – только свобода! – Она вдруг прихватила правой рукой кисть левой и с хрустом ломанула пальцы. Хруст, по всей видимости, должен был подтвердить ее решительность. – Я еще наверстаю упущенное, еще не вечер!

– А муж был вам верен?

– Шутите? Зачем ему еще кто-то при молодой красивой жене? Да Гера меня на руках носил! У меня было все!

– Кроме свободы, – подсказал Кис.

– Кроме свободы... – согласилась Зина.

– На что вы будете теперь жить?

– На все это, – она обвела рукой гостиную. – Герочка все записал на мое имя.

– Какой-то «Вишневый сад» прямо, – удивился Кис. – Неужто вы станете продавать квартиру, чтобы поехать в Париж?

Зина пусто смотрела на него, словно пытаясь припомнить, к чему может относиться словосочетание «Вишневый сад». То ли вспомнив, то ли оставив бессмысленную затею, она засмеялась, качая головой.

– Господи, это же я так, фигурально! Конечно, есть и счета... А что это вы за меня так волнуетесь?

– О, нет, за вас я спокоен, – любезно оскалился в улыбке Кис, напомнив самому себе Фернанделя из старых фильмов, и сменил тему, указывая на торбу: – Что здесь?

– Герины бумаги. Вы же просили! Я понятия не имею, у нас уже кучу забрали, а эти остались. Хотите – забирайте с собой.

Киса это предложение вполне устраивало: чем скорее сумеет он покинуть этот сумасшедший дом, тем лучше. Он попросил посмотреть фотографии и тут же напрягся в предчувствии визга «Анна Пална-а-а!!! Фотографии!!!».

Зинаида и впрямь уже набрала воздух в легкие, как дверь резко распахнулась и Славик, в одних трусиках, заложив руки за спину и широко расставив ноги на пороге, отчеканил:

– Вы все говны!

После чего он царственно развернулся и потопал навстречу переполошившейся няне.

Глядя на худенькую удаляющуюся спину, исполненную великолепного, недетского презрения, Кис подумал, что крошка Славочка наверняка бессознательно копирует папу Герочку... Уже покойного.

* * *

- Цветик, ты не спишь? Слышь, это из-за папки!

- Чего из-за папки-то?

- Mamka меня не любит. Ей папка, наверное, не разрешает. Сам не любит и мамке не разрешает.

- Да кого он любит, папка, кроме самогонки? Никого! Никто ему не нужен, была бы бутылка. С работы приходит, как волчара злой, а выпьет – дрыхнет. А ты чего-то все выдумываешь, выковыриваешь: любит – не любит...

- А вот и нет! Он, как выпьет, раньше, чем спать, добрый делается. Тебя про уроки спросит... И мамку поласкает, а уже потом дрыхнет. А мне только пинка дает!

- Чудной ты, прости господи. Другие мальчишки, смотри, домой придут: мать, жрать давай! От батьки, когда пьяный, спрячутся, переждут – и во двор, с другими пацанами играть! А ты все копаешься, все один, с другими мальчишками не дружишь, ни в футбол поиграть, ни подраться... Сидишь дома да волчонком следишь: а как мамка, а как папка на тебя посмотрели... Оно тебе надо? Прямо девчонка, и только!

- Я не девчонка! Я сильный! Всех побью! И папку могу побить...

- Скажешь тоже, папку! Да он тебя одним пальцем сшибет!

- Побью! Вот только подрасту немножко.

– А вот и подрасти сначала. А пока спи давай.

* * *

Дома Алексея поджидала сцена под названием «Не ждали». Молодежь в лице Юли и Ваньки как-то подозрительно всполошилась при его появлении. Оба суетливо выскочили откуда-то в коридор, и Юля, краснея, поспешила объяснить, что она задержалась, так как готовила борщ, потому что ей надоело смотреть, как двое нормальных мужчин питаются каждый вечер пельменями. Но что вот она уже уходит и мешать никому не будет...

Кис приобнял девчужку за плечи и повел в направлении кухни, приговаривая:

– Как это «ухожу», а борщ? Сейчас вместе будем ужинать!

Ванька тоже вякнул из-за спины Алексея, стараясь придать голосу солидность:

– Конечно, Юлька, оставайся, ты чего?!

Борщ удался на славу, Алексей с Ваней нахваливали наперебой, Юля рдела от удовольствия, как ее борщ, и ужин прошел в славной дружеской обстановке.

– Я приберу? – с надеждой спросила Юля после ужина.

– Юлечка, вас никто отсюда не гонит, имейте в виду, – усмехнулся Кис. – Впрочем, прибрать – это хорошая мысль. Иван вам, без сомнения, поможет. А я, с вашего позволения, пойду поработаю.

Ванька метнул на Алексея благодарный взгляд. У них был уговор: тусовки ограничены, и только с предварительным согласием Киса, ночевок же никаких и категорически – ни девочкам, ни мальчикам. Кис не забыл свои студенческие времена, когда все засиживались, метро закрывалось, народ оставался ночевать как попало и где придется. А утром ищи свою щетку или бритву... Или полуголые девицы будут слоняться по хате в поисках туалета или душа. Нет, превращать в студенческое общежитие свою квартиру Кис не намеревался. Так что его разрешение Юле остаться было жестом исключительным, вызванным личной

симпатией к маленькой секретарше, и Ванек это благодарно оценил.

Александра уехала на три дня в командировку, вечер был в полном распоряжении детектива (что его, впрочем, особо не радовало), и он приступил к изучению своего дневного улова.

Директор банка Герман Хрупов, похоже, писем никогда не писал. Или их не хранил? В ковровом мешке, который Кис окрестил «торбой», оказалось несколько старых скоросшивателей, пластиковый пакет с открытками, еще один с фотографиями, которые туда сунула до кучи няня Анна Павловна, да какие-то странные мелочи: поломанный брелок для ключей, упаковочная шелковая ленточка – из тех, что можно увидеть на подарочных коробках, – крошечный медвежонок из пластмассы, голубая звезда с блестками, напоминавшая елочное украшение, пустой флакончик из-под французских духов, еще хранивший слабый нежный запах... Теперь смысл этих вещиц постичь было невозможно, и Зинаида вряд ли могла помочь детективу: наверняка вещицы были из жизни Хрупова до нее. Кис счел, что придется ему и первую жену Хрупова навестить – она могла в отличие от Зины что-то помнить...

Скоросшиватели Киса не заинтересовали: в них были подшиты вырезки из газет, в основном финансовых. Зато среди открыток (в основном официальных поздравлений) он обнаружил знакомое лицо актрисы Измайловой. Открытка была из серии, которые раньше продавались в киосках Союзпечати в наборах «Любимые артисты». На обороте ее имелся следующий текст: «Герману Викторовичу Хрупову, настоящему русскому меценату, на добрую память ». Две подписи были не слишком разборчивы, но Кис все же опознал ряд букв, чтобы заключить, что принадлежали они актрисе и ее супругу-режиссеру Сергеевскому.

Банкир, стало быть, меценатствовал еще при советской власти... Интересно, на какие шиши? Тогда он занимал немалый пост в Министерстве финансов, распоряжался значительным бюджетом, выделенным на сельское хозяйство... Стало быть, в его власти было перекинуть некие средства на производство фильма Сергеевского с участием Измайловой. Что, впрочем, вряд ли объясняло сегодняшние убийства. Трудно представить, что некий колхозник, которому тридцать с лишним лет назад недодали денег на посев пшеницы, сегодня решил отомстить виновному. Уж не говоря о том, что Хрупов пал не единственной жертвой «иглоукалывателя»...

Зато одна открытка заинтриговала Алексея невероятно: нарядный букет цветов, а на обороте: «Ты мразь!» Проблема была только в том, что на открытке не было ни подписи, ни адресата, ни почтового штемпеля. Надо думать, что написал ее сам Хрупов, да не отправил. Хотелось бы узнать кому...

Фотографии принесли Кису почти столько же информации, сколько и депутатские: на относительно свежих фото ни разу не появлялись вместе ни убитые, ни их жены, а на старых снимках – те же лица, те же фоны, те же банкеты. Лишь одна фотография заинтересовала детектива: на ней депутат Иголкин и банкир Хрупов были запечатлены вдвоем на берегу реки, судя по удочкам, на рыбалке. Фото не было датировано, но, судя по качеству цвета, снимок был сделан лет десять-пятнадцать назад. Да и лица выдавали возраст – в обеих квартирах Алексей достаточно внимательно рассмотрел последние портреты в черных рамках.

Был там кто-то как минимум третий – тот, кто делал снимок. Но в объектив с широкими, уже тогда привычно-заученными улыбками смотрели только два лица: круглое, простецкое Иголкина и тяжеловатое, но породистое Хрупова. Что-то нашептывала Алексею эта фотография, о чем-то она повествовала, но он никак не мог понять, о чем именно...

От Алевтины Иголкиной он знал, что депутат и директор банка общались редко и не близко. Семьями не дружили, досуг вместе не проводили, последняя совместная «мужская посиделка», по словам вдовы, случилась лет пять назад. Что тогда обсуждали мужчины в пивном баре, пока отшелушивали липкими пальцами розовые панцири от сочных белых креветочных спинок, о чем говорили, утирая крепкую пену с губ и нахваливая темное, густое баварское пиво, что вспоминали, цепляя вилкой истекающие прозрачным жиром «брюшки кетовых рыб», – теперь никому не ведомо...

Впрочем, о знакомстве между собой всех четырех жертв в определенный период было и без того известно, и вряд ли эта информация стоила особого внимания.

Кис был крайне недоволен результатами двух встреч. Ни у одной из вдов не было материального интереса в смерти супругов; ни одна не подозревала мужа в измене, отношения в обеих семьях были в пределах нормы.

Зина, конечно, могла бы возжелать избавиться от «рабовладельца», чтобы сбегать с детьми на руки няням и вернуться к красивой жизни, по которой истосковалась, – но Алевтина Иголкина интереса избавиться от супруга не имела никакого. Следовательно, это на версию никак не потянет. Да и не общались они, похоже, между собой: если Алевтина еще помнила Хрупова, то Зинаида, по ее словам, услышала фамилию Иголкина только в сообщении об убийстве и нашла ее весьма забавной... Не склеивалось тут ничего, не склеивалось.

О неблагоприятных историях в прошлом депутата Кис Алевтину даже особо расспрашивать не стал: если бы и знала, не рассказала бы. У идейных товарищей не бывает неблагоприятных историй. Что же до Зинаиды, она и знать ничего не могла: что бы там ни было, то во всех случаях – до ее появления в жизни Германа Хрупова.

Странная голубая звезда – а не была ли она знаком принадлежности к какой-нибудь секте? Мало ли, вдруг все эти випы в ней состояли? Ох, придется ехать ему завтра к первой жене Хрупова... И все эти странные вещишки прихватить, ленточки-брелки...

* * *

Но и этот визит принес детективу одни разочарования:

– Выбросьте из головы, – сказала ему черноглазая маленькая женщина, представившаяся «просто Марией». – Какая секта?! Герман мог сам кого хочешь обратить в любую веру! Нет, это все какие-нибудь воспоминания об увлечениях: Гера ходок был еще тот, из-за этого мы и разошлись...

– «Ходок»? А не припомните ли какие-нибудь особые истории, с ревнивыми мужьями, к примеру?

– Насмешили, – ответила Мария. – Ну, просто ужасно насмешили! И как вы это себе представляете? Что муж докладывал мне не только о своих похождениях, но и о проблемах, связанных с ними? А я слушала и сочувствовала? «Ничего, любимый, как-нибудь рассосется»?

Алексей был вынужден согласиться, что сморозил глупость.

– Ну, пусть не в связи с похождениями, а все же, Мария, постарайтесь вспомнить, были ли крупные неприятности у Германа? Честно говоря, у меня есть мысль: а что, если сегодняшние убийства связаны с какой-то историей в прошлом, в которой были замешаны все убитые? Помогите мне...

Мария, поставив на стол чай и печенье, долго задумчиво смотрела на детектива черными глазами. Кис пытался угадать по ее лицу: вспомнила и не скажет? Или ничего не всплывает в памяти? Он чувствовал, что эта миловидная женщина врать не умеет, и ее напряженный взгляд мог объясняться именно тем, что она готовилась солгать...

Он ждал.

– Герман умел решать свои проблемы, – наконец произнесла Мария. – Даже тогда, когда они появлялись.

– Вы мне солгали? – дружелюбно поинтересовался Алексей. И пояснил в ответ на ее возмущенно-вопросительный взгляд: – По меньшей мере одну из проблем он решить не сумел: ту, из-за которой его убили.

– Я не знаю ничего. Это правда. Герман был из тех мужчин, что домашним не докладывают о своих делах и проблемах.

Алексей успел поймать легкую тень, пробежавшую по лицу женщины. Как бы ни был сдержан Герман Хрупов, Маше, видимо, было о чем вспомнить... Он находился всю жизнь на виду, в центре внимания коллег и знакомых, и среди них наверняка нашлись охотники рассказать жене то, о чем предпочитал умалчивать ее муж.

– Он был большим любителем кино?

– Почему?

– Хрупов, насколько я знаю, помогал финансировать фильмы Сергеевского.

– Ах, это! – Маша грустно улыбнулась. – Герман не был любителем кино. Он был любителем киноактрис.

– Измайлова?

– Измайлова, Петрова, Сидорова... Все модные тогда звезды не обошлись без его восхищенного поклонения. Цветы посылал ведрами! Именно так: ведро пионов. Ведро гладиолусов. Ведро лилий. Ведро роз.

– Он заводил с ними отношения? Или восхищался на расстоянии?

– Понятия не имею. Во всех случаях кого это теперь интересует? Они уже состарились, а то и умерли – все его бывшие пассии, звезды и не звезды, любовницы или просто предметы его обожания... Не думаете же вы, в самом деле, что брошенные им любовницы сговорились ему отомстить за ветреность тридцать лет спустя?

Кис так не думал и потому решил, что разговор пора заканчивать.

Никаких вещей бывшего мужа у «просто Марии» не сохранилось, а на загадочную открытку с текстом «Ты мразь!» она взглянула удивленно и покачала головой: нет, не имеет она ни малейшего представления, кому могло быть предназначено подобное послание.

– Но почерк Германа, да... Он горячий был мужик, вспыльчивый. Хотя отходчивый. Мало ли какие с кем счеты могли у него случиться, написал сгоряча, потом охолонул и не отправил. Ох, не завидую я вам, Алексей Андреевич, если всех перебрать, с кем он ругался, так на «Войну и мир» потянет!

* * *

Алексей Андреевич и сам себе не завидовал. И в хмуром настроении отправился в хмурый Питер.

Покойный генерал в отставке Зайков был вдовцом, и разговор предстоял с его взрослой дочерью. Сухая, скуластая, высокая женщина за сорок встретила его не приветливо, представилась Еленой Тимофеевной, отвечала короткими фразами. Каждую подробность приходилось мучительно из нее вытягивать, выдерживая настороженный взгляд серых со стальным отсветом глаз.

Завещание? Не знает, после похорон нотариус сообщит. Разрешение на похороны пока не получено, хотя непонятно, что следствие надеется еще накопать, когда причина смерти уже установлена. Но по закону все отойдет ей и брату.

Знакомство с другими жертвами? У отца была всегда своя жизнь, он в ней ни перед кем не отчитывался, и когда дети маленькими были, и когда выросли.

Прошрое? О чем речь? Ах, московский период жизни отца? Не помнит, маленькая была. Отношения с отцом? Нормальные. Близки не были, но и проблем не водилось. С мамой? Да так же, как и с детьми: близки не были, но без...

- Как же так, - не выдержал Кис, - ваш отец прожил долгую жизнь, до семидесяти семи лет, а вам, его дочери, и вспомнить нечего?

- Долгую - да, - поджала губы генеральская дочь. - Но отдельную от семьи.

- У него была другая женщина? Или нужно поставить множественное число?

Елена Тимофеевна процедила «понятия не имею» таким тоном, как будто хотела сказать «не ваше дело».

М-да, вот и работай в таких условиях... С горя Кис попросил показать фотографии.

- Вот на этой полке альбомы, смотрите. С собой нельзя, только здесь и при мне.

Что верно, то верно - генерал обладал тем лицом, которое называется «каменным». Холодные, со стальным отливом, как у его дочери, глаза не выражали ничего, и даже перед объективом его губы не дрогнули в приличествующей случаю улыбке. Ни на одной из фотографий эта маска не менялась, будь то семейный интерьер или официальные, наподобие депутатских и банкирских, снимки.

Генеральская дочь стояла посреди комнаты - просто стояла и ждала, когда детектив закончит просмотр. Грубо говоря, она его выдавливала из квартиры, всем своим видом показывая, что ее любезности (если можно так выразиться,

конечно) есть предел.

Кис, со вздохом отложив альбомы, поинтересовался личными архивами.

– Что вы имеете в виду под словом «личные»? Разумеется, ничего нет! Письма он ненавидел писать, да и писал не очень грамотно, стеснялся. Кроме того, я совсем не считаю, что у него могла быть какая-то иная, отдельная от семьи, личная жизнь! Вы сделали неправильный вывод из моих слов: я сказала, что отец был очень скрытным человеком, но это не значит, что ему было что скрывать! Он просто... Он был человеком без эмоций, вот и все.

На этих словах Елена Тимофеевна поперхнулась, словно они с трудом пролезли через горло, как-то странно затопталась на месте, закрутилась, как будто решила переменить положение и наконец сесть, но не нашла, куда именно. В результате она так и осталась напряженно стоять посреди комнаты, сложив руки на груди.

– Его отдельная жизнь, – продолжала она, и голос ее звучал сухо и резко, будто удары палки, которыми она желала выгнать детектива... Или – боль из собственной души? – Слова «отдельная жизнь» просто означают, что он не разделял жизни семьи. Из чего не следует, что была другая жизнь... Он не интересовался детьми, он не интересовался женой, – голос ее откровенно надломился, – он всегда был сам по себе. А семья всегда была к его услугам, в состоянии боевой готовности окружить заботой или отчитаться в хороших отметках. Отец не был к нам привязан, он никого никогда не любил. Он просто не знал, что это за чувство такое – любовь...

У нее задрожал подбородок, но она быстро справилась с собой и холодно поинтересовалась, закончил ли детектив со своими расспросами. И, если да, она бы предпочла заняться своими делами.

Покидая квартиру на Васильевском, Кис был уверен, что, как только за ним закроется входная дверь, Елена Тимофеевна упадет на старый диван и зайдется в горьком и злом плаче, которому не будет ни одного свидетеля: она умела, как ее отец, быть скрытной. И наверняка все вокруг считали генеральскую дочь женщиной без эмоций... Достойной дочерью своего отца.

Кис подозревал, что если бы ему дали как следует покопаться в этой квартире, то он мог бы найти немало интересных вещей. В конце концов, генерал давно жил один, о смерти не помышлял и вполне мог хранить в укромном местечке какие-то сувениры из прошлого.

Ну да, «съесть-то он съест, да кто ж ему даст?» – как говорилось в старом анекдоте. А достойная дочь своего отца, Елена Тимофеевна, если уж что-то и найдет (или уже нашла?) в отцовских бумагах, то ни в жисть не скажет...

Оставалась последняя и весьма слабая надежда: на уральского директора. Если и он подведет, то придется детективу Алексею Кисанову всенародно расписаться в своей беспомощности.

Ох, Александра, ну и удружила!..

* * *

Даже самая хилая надежда, как известно, умирает последней, и, заметим, совершенно правильно делает: так-таки порадовал его покойный заводчик, порадовал!

А точнее, вдова его, Марфа Петровна, которую Кис нашел на даче (уместнее сказать – в имении), где она обитала постоянно, зимой и летом. Даже подготовка к похоронам (у которых, впрочем, еще не было даты) не вытребовала ее в город: «Да что мне там делать, там весь завод этим занимается и все областное начальство...»

Родом из деревни, она сохранила любовь к сельской жизни, несмотря на все блага городской цивилизации, предоставленные ей супругом. Дети, внуки, огород, варенья, соленья – это было куда более насущным и живым занятием, чем продумывание надписей на венках. Крупная, седая, жилистая, с тяжелыми венозными ногами, Марфа Петровна застенчиво прятала большие работающие руки под передник и добродушно объясняла, что всю жизнь детьми была занята, потом внуками, а что там у мужа за дела, не интересовалась, ей не понять, не по уму. Москву ох как не любила, несмотря на весь комфорт и престиж столичной жизни, и была страшно рада покинуть столицу... Если ей с супругом и приходилось куда выходить «на мероприятия», то изредка, когда уж совсем

никак, когда с супругой положено, а для нее это сущее наказание было, так что он все больше один ходил... А уж что он там, с кем он там общался-встречался... Уж небось с кем нужно!

На вопрос о завещании Марфа с простодушной уверенностью ответила, что все семье отойдет, а как же иначе-то? Кажется, мысль о том, что – хотя бы теоретически – при такой неограниченной свободе от семьи, которую ему предоставила Марфа Петровна, у законного мужа могла бы оказаться паратройка детей «на стороне», благополучно обошла ее сознание. Кис только начал было выпрашивать об архивах, как вдова его перебила и просто-напросто дала Алексею ключи от городской квартиры.

– Вы там в его кабинете смотрите, – напутствовала она детектива, – в других комнатах нету ничего, я там слежу сама, все знаю. А в кабинет к нему не ходила, он не любил этого...

«Он». За весь разговор она ни разу не назвала мужа по имени. Муж для нее был всегда Он, безымянный кормилец для нее самой, пятерых детей и неисчислимого количества внуков, для сада и огорода, для устройства счастливой крестьянской жизни... Чем-то вроде механизма, подобного насосу, который исправно и без вмешательства с ее стороны качал животворную субстанцию, питавшую семью. Кому-то покойный директор завода был грозой, кому-то – надежным покровителем, перед ним заискивали и его величали по имени-отчеству, но для супруги своей господин П.П.Пенкин был просто индифферентным местоимением он. Коим остался и после смерти...

Перспектива покопаться в бумагах без надзирательниц, стоящих над душой, неизмеримо грела Алексея. Если там хоть что-нибудь есть, уж он найдет, не сомневайтесь!

...Искать, собственно, не пришлось. Видимо, жизненные роли и функции были до такой степени четко распределены в этой семье, что Он даже не считал нужным припрятать подальше весьма пикантные свидетельства прошлой разгульной жизни: был железно уверен, что жена никуда нос свой не сунет, раз Он не велел.

В ящиках массивного стола Алексей обнаружил сложенные в беспорядке фотографии разных лет. На них были запечатлены, как и у остальных жертв, и официальные банкеты, и какие-то собрания-совещания, и на фоне того-сего, но

водились у директора завода и другие, причем весьма любопытные кадры. Вот сцены охоты, вот развеселое застолье, вот банька – в пару просматриваются голые тела, в том числе и женские... Часто мелькали знакомые лица: банкир Хрупов, генерал Зайков. Впрочем, тогда Хрупов еще не был банкиром, а Зайков не был генералом. Депутат Иголкин возникал пореже, но тоже отметился. А вот и народная певица Тучкина, не менее народная актриса Измайлова с народным же режиссером Сергеевским. И актер Безухий попадался, опять же народный, и еще несколько знакомых артистических лиц: все та же художественно-номенклатурная тусовка. Симбиоз власти с интеллигенцией, отражавший «партийность искусства» в непринужденной обстановке... Одна фотография особенно зацепила внимание Алексея: известная эстрадная певица, тогда еще совсем молоденькая и начинающая, смотрела в объектив испуганными глазами, выражение которых резко не сочеталось с принятой ею соблазнительной позой. Торжественный ли момент съемки в кругу советской элиты так напугал ее или нечто другое? Узнать бы...

Впрочем, на других фото она вовсе не выглядела испуганной и, хохоча, жеманно прижималась к разным мужчинам. Веселую жизнь вел господин директор завода Пенкин, в те времена еще профсоюзный деятель. Остальные жертвы «иглоукалывателя» вели, несомненно, точно такую же веселую жизнь, что и было бесстрастно запечатлено на этих фотографиях, но обстоятельства и осторожность не позволили им хранить подобные «улики» у себя... Интересно, что там за женщины в бане? Лиц не разглядеть... Уж не актрисы ли с певичками? Измайлова-то вряд ли, она почти всегда была на «мероприятиях» с мужем. Хотя, признаться, если кто уж и был «женщиной мечты», так именно она...

Алексей снова вытащил ее фото – то, где она была крупным планом: вечернее платье в обтяжку, глубокое декольте, перчатки, волосы волной, брови вразлет, рот в загадочной, что твоя Мона Лиза, улыбке, надменной и призывной одновременно... В комедиях своих она совсем не так улыбалась, там она была простодушной инженерю, а здесь скорее женщиной-вамп... Роскошная женщина. Какое декольте, какая грудь, какие плечи....

«Июнь, как скульптор, лепит груди...» – вдруг вспомнилось Алексею. Вот уж кому надо было посвящать подобные стихи! А вовсе не Алевтине Иголкиной...

«А.И.»?!!! Так ведь... Алла Измайлова!!!

Вот оно что... Оттого-то депутат не спрятал и не уничтожил это стихотворение, написанное, без всякого сомнения, Измайловой, красивейшей женщине своего времени, потому что инициалы совпадали! А самонадеянная Алевтина без колебаний приписала их себе!

Да-а, чего только не бывает на свете! Кис уже давно стал относиться философски к разным занятным экземплярам, с которыми его сталкивала работа. Он напоминал сам себе Чичикова, который в поисках мертвых душ вечно попадал к каким-нибудь Коробочкам или Собакевичам. Самое смешное, что тогда, в школе, ему эти персонажи показались гротескными, совершенно нежизненными, – а вот поди ж ты, в самой что ни на есть настоящей жизни их, оказывается, навалом... Мастера карикатуры и гротеска могут отдыхать!

Что ж, это становится интересно. Существовала, значит, некая довольно постоянная и весьма интенсивная тусовка в приватном кругу, в которую входили все четверо убитых. Из фотографий вырисовались и остальные более-менее постоянные члены тусовки, часть которых Кис не смог идентифицировать, но собирался загрузить этой задачей издание-наниматель.

Следовательно? Следовательно, придется навестить всех. Кто не умер, по крайней мере. По «мертвые души» Кис пока еще не ходил, его интересовали вполне живые, а особенно те, кто эти живые души на тот свет отправлял...

Он прокопался в кабинете Пенкина еще часа два, но найденные бумаги подтверждали только то, что он уже и так понял: существовала в какой-то период времени, в шестидесятых-семидесятых годах, довольно постоянная тусовка. И теперь придется заниматься ее отловом. Работы предстояла уйма, затратной по времени и нервам, а вот будет ли результат? Наличие определенного круга друзей-приятелей само по себе ни о чем не говорило. Если у вас есть своя тусовка, это ведь не обязательно означает, что вы все вместе кого-то убили и труп закопали, верно? И что некто теперь по каким-то причинам убивает членов этой тусовки... Некая общая для всех тайна могла быть, а могла и не быть. А уж если была, то все прямо так и разбежались детективу рассказывать! Ага, вот только шнурки поглядят и все как на духу... Ох, непростая задача ему предстояла. Кис уже предчувствовал и даже слегка поежился: все эти народные-заслуженные, они кочевряжиться будут по полной программе!

Детектив счел, что разрешение Марфы Петровны было полным и безоговорочным, и, не церемонясь, прихватил все интересующие его снимки и бумаги с собой.

* * *

Домой Алексей вернулся в довольно мрачном расположении духа и обрадовался, увидев Александру у себя в квартире. Несколько секунд он молча созерцал из прихожей ее профиль, любуясь.

– Здравствуй, солнышко, – пропела она, не отрываясь от экрана компьютера. – С приездом тебя. Сейчас, погоди, только фразу закончу...

– Оккупантша! Узурпаторша! Чуть я за порог, как ты за мой компьютер?! – рыкнул Кис и, подхватив Александру вместе со стулом, повернул ее к себе. Обнял и уткнулся лицом в ее колени.

Она молча ворошила его волосы, время от времени наклоняясь, чтобы поцеловать его в макушку. Жест более чем рядовой, обыденный, но разве существуют жесты, разве существуют слова, чтобы выразить то чувство, от которого прерывается дыхание и на глаза наворачиваются слезы, как от боли?

Это было одно из тех мгновений любви, которые перерастают в вечность, когда любовь затопляет все пространство, принимая размеры космоса. Казалось, чувство рождено не их душами и не им принадлежит, а, напротив, их души влетели в то измерение, где обитает колоссальная энергия любви, катастрофически несоразмерная с человеческими силами. Ее невозможно было выразить, невозможно излить до конца в любом, даже самом отчаянном и страстном соитии, – все равно она не иссякала, отягощая душу и тело нарастаченным, хоть и сладостным грузом. И тогда легкие начинали захлебываться от невозможности дышать, тогда сердце грозило остановиться, не в силах справиться со счастливой тяжестью чувств, от которых не было ни спасения, ни хотя бы облегчения.

И потому эта вечность не могла длиться. Требовалось срочно выйти из нее, вернуться на землю, положить конец космическим перегрузкам. Сказать что-нибудь простое, например: «Проголодался?» И заняться ужином.

Когда-то Александру преследовало одно и то же видение на грани сна: она летит в пропасть. Пропадь была бездонной, полет был долгим, но всегда наступал момент, когда страх заставлял ее прекратить падение усилием сознания.

Однажды она решила дать себе упасть до конца. «В конце концов, – сказала она себе, – на самом деле я ведь спокойно лежу в своей постели и никуда не падаю. Чем я рискую?»

И когда очередное ощущение падения настигло ее в момент засыпания, она не позволила сознанию от него сбежать и продолжала падать, падать, падать... И вдруг отчетливо поняла, что еще чуть-чуть – и она умрет. Как, почему – Саша не знала, но стало абсолютно ясно, что дальше организм не выдержит. Там, внизу, ее ждала смерть.

Странно, но после этого открытия падения прекратились.

Вот и сейчас, ведомая спасительным инстинктом самосохранения, Александра заставила себя вынырнуть из огромного, смертельного по силе космоса чувства, оторвала Алексея от своих колен, взяла его лицо в руки, спросила:

– Ты голоден?

– Голоден, чертовски голоден! Сашка, как хорошо, что ты здесь. Пойдем в ресторан? Отпразднуем мое возвращение!

– Да тебя только два дня не было! – со смехом ответила Александра.

– Так это же целая вечность, Сашенька...

...Александра не переставала изумляться насыщенности их чувств, каждой их встречи. Иногда она задавала себе вопрос: когда это закончится?.. Это почему-то всегда кончалось, у всех. Если вообще было.

Но у них все было не как у всех. И даже не как у них самих в другую эпоху, в другой жизни, которая называлась «до встречи»... Хотя что встреча? Ничего

особенного, частный детектив со смешным прозвищем Кис явился однажды за правдой к ней и к Ксюше, младшей сестре Александры...[6 - См. роман Т. Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче».]

Сестры тогда затеяли небольшой спектакль для завоевания красавца француза Реми, в которого влюбилась Ксюша. Да только розыгрыш обернулся кошмаром, сочиненный ими вымысел – жуткой правдой. Две неосторожные затейницы, легкомысленные авторши, как они полагали, водевиля превратились в персонажей, в действующих лиц нешуточной драмы, которая дальше стала диктовать развитие сюжета сама... А Реми и Кису из частных детективов пришлось перевоплотиться в спасателей и вытаскивать сестричек из смертельной опасности. Герои! Рыцари! Принцы на белом коне, черт побери...

Впрочем, для Ксюши Реми и впрямь оказался и героем, и рыцарем, и принцем, и сказка о спасении невинной принцессы увенчалась, как и положено сказкам, счастливой свадьбой в Париже...

Но Кис... Александра сразу почувствовала, что она ему нравится, – да кому же она только не нравилась? Это, что называется, «еще не повод для знакомства»! Более того, она его почти возненавидела: этот смешной, напористый, иногда неожиданно жестко-агрессивный детектив влез в ее жизнь, перетряхнул ее тайны, самые интимные, самые охраняемые – самые постыдные тайны... И себя, себя тоже возненавидела, увидев эти постыдные тайны при свете дня, на который этот чертов детектив их безжалостно вытащил... Понадобилось время, чтобы Александра оценила его. Сначала неожиданную деликатность, с которой он обошелся с ее секретами. Ощущение его бережного, ненавязчивого сочувствия... Родилось доверие, которое потихоньку превратилось в дружбу. Ну, дружба – она была относительной, Александра, как любая женщина, мгновенно учуяла, что детектив влюблен в нее. Но он молчал. Он был другом. И однажды Александра поняла, что ближе этого человека у нее никого нет. И лучше никого нет. И что она хочет иметь его всегда рядом.

Нет, она не признавалась ему в любви: она заставила в ней признаться его. Для себя же это слово Александра вычеркнула из лексикона – оно ничего не значило, оно было затаскано до дыр, до полной потери смысла. Под ним подразумевалось все, что угодно, – незначительная влюбленность или физическое влечение, им обозначалось кладбище давно умерших чувств, которые связывали большинство супружеских пар, – это слово не стоило и не означало ничего. Александра предпочитала говорить «хочу» – это слово, по крайней мере, было всегда честно.

И она предложила Алексею союз, основанный на «люблю» с его стороны и на «хочу» – с ее. Неравный? О нет, этот самоуверенный нахал заявил ей, что непременно наступит день, когда она ему скажет о любви! Он нисколько не сомневался, что его любовь взаимна, и даже, кажется, особенно не печалился, что слово ему не довелось услышать!

Негодник, он был прав. Когда Алексея во время телепередачи в прямом эфире под дулом пистолета взяла в заложники некая юная обольстительная девица, когда он практически исчез из жизни Александры на две долгие недели, когда ей пришлось пережить тот убийственный страх потерять его навсегда, – вот тогда слово «люблю» и родилось, прорвав все лингвистические запреты ее сознания[7 - См. роман Т. Гармаш-Роффе «Ведьма для инквизитора».]

И оказалось, что с ним легче жить. Да, оно бедное, да, оно убогое, но все же не было другого слова в нищем человеческом языке. А вещь, которая не названа, – не существует: «Вначале было Слово»... С него началась жизнь, началось воплощение сущностей в предметы.

Но на пути амнистированного и легализованного слова неожиданно возникло непредвиденное препятствие: длительный запрет на него придавал теперь слову столь немислимый, столь шокирующий вес, что она так и не отважилась произнести его вслух. Александра не раз представляла, как было бы радостно выдыхать его иногда на ухо Алеше. Но, увы, она уже хотела, но все еще не могла произнести слова о любви...

– Эй, ты о чем думаешь? Слышишь, пойдем ужинать в ресторан?

– Мне статью надо закончить, – с сожалением ответила Александра.

– Много еще?

– Только если после ресторана ты мне дашь поработать...

– Клянусь! Буду спать в гордом одиночестве и не помышлять о плотских радостях. По крайней мере, до тех пор, пока ты не придешь... А вообще-то я тебе завтра же куплю портативный компьютер.

- Ты назначил мой день рождения на завтра? – рассмеялась Саша.

- Нет, объявил войну с бескомпьютерщиной!

- У нас уже два: твой у тебя и мой у меня!

- Так будет третий! Из него одного целых две выгоды: во-первых, ты не будешь занимать мой, а во-вторых, ты сможешь взять его в постель!

- И тогда я больше не напишу ни одной статьи!

- Ты в чем меня подозреваешь? В покушении на творческий процесс? Нет уж, милая, я такого греха на душу не возьму: ты будешь мирно стучать у меня под боком, а я буду мирно храпеть у тебя под боком. Идет?

- Свежо предание, да верится с трудом...

- Неблагодарная! Я тебе цифровой диктофон купил? Купил! Я тебе мешаю, когда ты среди ночи вскакиваешь и начинаешь в него бормотать? Нет! Я благородно начинаю храпеть изо всех сил, чтобы ты не боялась, что меня разбудишь!

- То-то я потом ничего расслышать в записи не могу: все храп перекрывает!

- Сашка! Если мы не идем немедленно в ресторан, то я примусь за тебя! – грозно клацнул зубами Алексей, надвигаясь на нее...

...Летописцам славной Кисовой жизни осталось неизвестным, что именно было у детектива на ужин в тот вечер.

* * *

- Цве-е-етик! Слышь? Цветик-Семицвети-и-ик!

- Чего шебуршишься? Спать не даешь!

- Цветик, а папка придет? Скажи, придет?
- Нет.
- Потому что умер?
- Да.
- А почему умер?
- Головой стукнулся о бочку с водой и умер.
- А почему стукнулся?
- Пьяный был, споткнулся и стукнулся.
- Не, это я его толкнул.
- Что ты глупости говоришь! Тебя и дома-то не было!
- А вот и было!
- Ты кончай, а? Нафантазируешь тут, а я и не знаю, чего думать!
- Я пошутил, Цветик. А мертвые обратно не приходят?
- Нет.
- Никогда?
- Никогда. Спи.

* * *

На следующий же день Кис озадачил фотографиями с Урала редакцию газеты-нанимателя, затребовав информацию о каждой «морде лица». С адресами, телефонами и «с кратким жизнеописанием» («М-м-м, по возможности», – лояльно добавил Кис).

Первые сведения поступили в тот же день, и Кис принялся размышлять, с кого ему начать. В списке из ныне здравствующих были уже знакомые актриса Измайлова (народная) и певица Тучкина (народная), а также писатель (маститый), кинорежиссер (маститый), работник Госкино (высокопоставленный), академик-химик (известный), бывший зам бывшего министра культуры (на пенсии) и ряд других достаточно высокопоставленных персон.

Тучкина, как свидетельствовал рапорт газеты, несмотря на почтенный возраст, вела вполне активный образ жизни и имела открытый дом, в котором получали поддержку и отеческие (материнские?) наставления подрастающие таланты. Измайлова, напротив, отличалась замкнутостью, журналистов не принимала никогда (значит, Сашу просить договориться о встрече будет лишним), да и вообще не принимала. Ни-ко-го. Писатель отсутствовал: поехал в Венецию за вдохновением, режиссер поехал по соседству, во Флоренцию, – на съемки фильма. Бывший замминистра находился на даче, а местонахождение господина-товарища из Госкино установить пока не удалось: по сведениям, он был в Москве, но его телефоны не отвечали ни дома, ни на работе.

Переложив на плечи Александры задачу выбить рандеву с мужчинами, он принялся за Тучкину, сочтя ее наименее трудной для взятия крепостью, чем нелюбимая звезда экрана. Ее телефон, однако, был упорно занят. Между двумя наборами к нему прорвалась Александра и заявила, что на страже академика стоит его жена и что лучше Кису пустить в ход весь свой мужской шарм: «Ты же у нас шармёр[8 - Французское слово, применяемое к тем мужчинам, которые сознательно пользуются своим обаянием (шармом) в целях завоевания собеседника или собеседницы.], Алеша», – издевательски усмехнулась она. Александра всегда с неподражаемым ехидством называла его этим словом, глядя, как мучается Алексей, пытаясь придать голосу несвойственные ему интонации, а лицу – несвойственное выражение. В натуральном виде лицо и голос были нейтральными – Алексей был сдержан в выражении эмоций, и люди, поверхностно его знавшие, предполагали в нем полное отсутствие оных. Иногда, в особых случаях, взгляд его становился особенно внимательным, еще реже – сочувственным и совсем редко – нежным. Когда останавливался на Саше.

Телефон Тучкиной был по-прежнему занят, и Кис в раздражении набрал номер академика Георгия Сулидзе. Голос его сделался бархатнее некуда, и Алексей с негодованием отвернулся от своего отражения в стекле, расплывшегося в отвратительной медовой улыбке.

Увы, труды его тяжкие остались втуне. Академическая жена не дрогнула и твердо вела допрос с пристрастием: зачем нужен академик? Почему нужен академик? Какие вопросы собираетесь задавать академику?

– Мне кажется, – довольно резко заявил Кис, – вы недооцениваете серьезность ситуации. Я ведь не на интервью напрашиваюсь, уважаемая Софья Анатольевна. Ваш муж входил в ту же компанию, что и четверо убитых, и, возможно, ему также грозит смертельная опасность. Необходимо срочно понять, что связывало всех этих людей, что могло произойти в те годы такого, из-за чего сегодня...

– В биографии моего мужа нет темных пятен! – взвилась собеседница. – Это безупречный, святой человек, отдающий всю свою жизнь служению науке и людям, его заслуги признаны...

Тра-та-та... Кажется, она едва не сказала «партией и правительством». Кис даже присвистнул. Он казенно-высокопарным словам никогда не верил, как и людям, их произносившим, и ему казалось, что это настолько всем давно понятно, что и произносить их стыдно, как глупую реплику в пошлом водевиле.

– Что это? – осторожно спросила жена академика.

– Где? – Кис даже глаза старательно округлил, изображая невинное удивление.

– Вроде свист какой-то... Это... не вы?

– Ну что вы, как можно! – радостно сказал Кис. – Это чайник.

– А, – облегченно выдохнула она, удостоверившись, что никто непочтения к заслугам академика не высказал, кроме чайника, – так вот, запомните: это человек, для которого наука...

И ее снова понесло. Кис невежливо перебил:

– Вообще-то, я характеристику вашего мужа не просил. Я просил позвать его к телефону.

– Вы мне не сказали, что именно вас интересует!

– Во-первых, уже сказал, вы просто так долго перечисляли его заслуги, что забыли. Во-вторых, вопросы я буду задавать вашему супругу, а не вам. Если он сочтет нужным, он вам расскажет содержание нашего разговора.

Софья Анатольевна замолкла, переваривая услышанное.

– Звоните ему завтра с утра на работу, – наконец ледяным тоном произнесла она.

* * *

Кис бы с преобладающим удовольствием никому вообще не звонил, а нагрянул бы к каждому с визитом нежданно, как он обычно в подобных случаях и делал: внезапность не позволяла собеседнику подготовиться, и информация в таких случаях была куда полнее, а вранье – куда заметнее. Да только на этот раз интересовавшие его персоны были не простыми, а Очень Важными Персонами, и без звонка к ним попасть не было никакой возможности.

Удостоверившись с тоской, что телефон певицы Тучкиной по-прежнему плотно занят, Алексей решил все же рискнуть и самолично наведаться по домашнему адресу Олега Ларионова, запропавшего Большого Начальника из Госкино, телефоны которого глухо молчали как дома, так и на работе. Алексея даже посетило пренеприятное подозрение: а не лежит ли где труп Большого Начальника с отравленной иглой в теле? И потому, плюнув на приличия и призвав в союзницы удачу, Кис направился напрямик к нему домой.

Как ни странно, домофон ему ответил, хоть и трудным голосом: уж не приболевши ли? Но пять минут спустя диагноз его болезни был поставлен детективом неопровержимо и категорически: он был встречен на пороге квартиры лохматым и небритым человеком со стаканом в руке, в котором плескалась мутноватая белесая жидкость. Не было нужды иметь медицинское образование, чтобы мгновенно понять: Ларионов пребывал в запое.

Мутноватой жидкостью, однако, оказался не заморский алкоголь, как предположил поначалу Алексей, а славное изобретение человечества под названием «Алка-Зельтцер»[9 - Лекарство, снимающее синдром похмелья.] который Ларионов хмуро разбалтывал в стакане. Что, впрочем, ничуть не меняло запойного диагноза. В связи с чем Ларионов и телефон выключил, чтобы никто не смог помешать ему предаваться сомнительной радости нажраться до бесчувствия.

Кис, опытным мужским глазом оценив состояние собеседника на данном этапе как более-менее сносное, решил, что можно начать и нахрапом: «Вы хотите стать следующей жертвой? Да или нет? А раз не хотите, тогда помогайте следствию!»

Ларионов выслушал соображения детектива, допил содержимое стакана, сказал несколько раз «брр, брр», передернулся всем телом, зажмурился, потом сильно выдохнул, обдав Киса парами крепкого перегара, и только потом широко развел руками:

– Клянусь, не знаю, о чем речь. Были грехи, были, чего там, кто из нас не грешен! И подсиживали коллег, и подмазывали начальство, и химичили с бюджетными средствами. – Ларионов столь выразительно икнул и снова передернулся, что Кис ощутил физически, как подступает к горлу тошнота. – И дела свои устраивали, конечно, в обход закона, пользуясь связями. Тебе, сыщик, и все остальные скажут то же самое. Если рискнут пооткровенничать, конечно. Но они не рискнут, не мечтай. Ко мне-то ты... как тебя бишь звать? Алексей? Леха, значит. Так вот, Леха, ты ко мне в удачный момент попал, я когда пьяный, то добрый... И разговорчивый. Остальные не скажут, нет... Но дерьмо за всеми осталось, будь спок! Иначе карьеру не сделаешь, а уж в нашем социалистическо-коммунистическом государстве – и подавно. Частенько и самому противно, как вспомню... Я совесть не всю растерял, многие растеряли, а у кого ее и отродясь не было. Но перед тобой, сыщик Леха, как на духу: были грехи, были! Да только в том-то и фокус, что у каждого – свои! Не общие! Я не имел дел с остальными! Был знаком, какое-то время даже дружили, вместе на рыбалку ездили, на дачах пили, в баньке парились. Но что у нас общего? Не понимаю, вот те слово!

Мужик не врал, Кис это почувствовал. Он всегда чувствовал ложь кожей, какими-то неизвестными науке рецепторами ее воспринимал и опознавал.

И сейчас его «рецепторы» ему подтвердили: Ларионов и в самом деле не знает.

Это незнание могло объясняться двумя причинами: либо Ларионов честно не нашел в памяти событий, которые могли послужить мотивом для серии убийств, либо этих событий и впрямь не было, или по меньшей мере он в них не участвовал. Есть, конечно, неплохой способ определить истину: подождать, убьют его или нет. Если убьют, значит, мужик просто не вспомнил, не сообразил, где собака зарыта, а если нет, то он ничего не знает, так как не участвовал...

Прямо скажем, такой способ проверки истины Кис находил малосимпатичным. И посему следовало поторопиться и нащупать истину, не пользуясь суфлерскими подсказками старухи-смерти...

Ларионов провожал глазами детектива, смотрел в окно на то, как тот садился в машину, прикуривал, заводил мотор, давал задний ход со стоянки... Не то чтобы он думал, мыслей как таковых в голове не было. Только разве смутное, мутное, как «Алка-Зельтцер», ощущение, что...

Нет, не может быть. Нет, абсурд. Никакой связи тут нет, потому что ее просто не может быть...

* * *

Кису всю ночь снилось, как он дозванивается до Тучкиной, и, как только ему удавалось прорваться, телефон неотвратно разъединялся, и он снова и снова жал на кнопку «бис»... Кошмар приснился, одним словом.

Но, что называется, в руку: к одиннадцати утра он сбился со счета, сколько раз ему пришлось нажать на эту треклятую кнопку «бис» – его аппарат функцией автодозвона не обладал. В конце концов Кис озверел и перепоручил это занятие Юле.

Сам же детектив попытался дозвониться с мобильного академику, но его рабочий телефон либо вовсе не отзывался, либо отвечал женским голосом, что академик на совещании. Плюнув, Кис попытался сосредоточиться на бумагах, по ходу дела истово предаваясь горестным размышлениям, за какие же из грехов

судьба наказывает его таким гнусным расследованием.

И тут произошло чудо.

Между дозвонами Тучкиной прорвался телефонный звонок, и Юля, вдруг побледневшая и торжественная, передала Алексею телефонную трубку, шепча что-то неразборчивое сдавленным от волнения голосом. Кис взял трубку с недоумением, так и не поняв, что случилось с его новой секретаршей.

– Я звоню вам от имени Аллы Измайловой, – вежливо сообщил немолодой женский голос. – Она хотела бы с вами встретиться у себя дома завтра утром. Записывайте адрес...

Похоже, его согласия даже не спрашивали. И, будь это не Алла Измайлова, Кис бы не упустил возможности преподать урок хороших манер. Но это была Алла Измайлова, незабвенная Алла, легенда, звезда советского кинематографа, чьи фильмы стали хрестоматийными, и даже юнцы того поколения, которое «выбирает кока-колу», замирали перед экранами телевизоров, зачарованные ее редкой красотой и грацией...

К тому же актриса запечатлелась на фотографиях с Урала.

– Буду, – кратко ответил он.

...Ее сравнивали с Мэрилин Монро, с Брижит Бардо, с Марлен Дитрих, с Любовью Орловой... Экран 60—70-х годов ассоциировался исключительно с этим прелестным лицом, с этим вздернутым носиком, упрямым подбородком, широко расставленными голубыми глазами, бровями вразлет и дивным ртом, о котором грезил несколько поколений советских мужчин. Говорили – вульгарна; говорили – провинциальна; говорили – простушка; говорили – потаскушка... Чего только не говорили, но смотрели все. И все, что выходило на экраны с Аллой Измайловой.

Из киношной инженерю Алла с течением лет превратилась в драматическую актрису, причем неожиданно обнаружился в ней нешуточный талант, которого не подозревал никто в этой – да, провинциальной, да, вульгарной, да, кукле, –

простушке...

Пресса, хранившая поначалу недоуменное молчание, потихоньку разродилась осторожными похвалами, а там и вовсе захлебнулась от восторга. Уже не потому, что народная артистка, уже не потому, что муж всесильный режиссер, не потому, что фильмы с ней были любимым развлечением партийных боссов, а потому, что Алла вдруг оказалась настоящей актрисой. Фильм или спектакль с ее участием становился событием, под нее писались киносценарии и пьесы лучшими драматургами страны.

Алла зрела – возрастом и талантом. Лучшие роли на правах приглашенной в самых модных и знаменитых театрах Москвы у Эфроса, Любимова, Ефремова, Захарова...

И в пятьдесят она все еще была лучшей, несравненной, незабвенной Аллой Измайловой. И вдруг в пятьдесят пять – ушла. Исчезла и больше не появлялась ни на сцене, ни на экране. Журналистов не принимала, автографы раздавала по почте, со знакомыми говорила по телефону. Доступ к ней имел только небольшой отряд домработниц и секретарш. Говорили – подражает Марлен Дитрих. Говорили – ломается, хочет, чтобы ее упрашивали. Говорили – не выдержит, сама приползет на коленях вымаливать роли.

Не приползла. Как Дитрих или как кто угодно – но она действительно захотела, чтобы о ней забыли. Забыли о реальной Алле Измайловой, которой перевалило за пятьдесят пять, но помнили великую Измайлову на сцене и на экране? Желала сохранить свою легенду нетронутой, не подпорченной морщинами и куперозными щеками, голосом, который начал некстати подблеивать, глазами, которые стали терять яркую голубизну?..

Причин не знал никто. Но факт оставался фактом – Алла Измайлова захотела скрыться от мира.

Ее маневр удался: уже никто толком не ведал, жива ли она, но зато и новые поколения знали ее имя и прелестное лицо, успели всплакнуть над ее лучшими драматическими ролями и повеселиться на ее незатейливых очаровательных комедиях. Она добилась своего: Аллу Измайлову знали все, но об Алле Измайловой не знали ничего.

Она жила прямо на Тверской, проход в арку, старый дом с высокими потолками и лепниной. Квартира была огромной, Кис точно не мог сказать, сколько в ней комнат, но их было много. Сначала с удивлением подумал – коммуналка. В просторном мрачноватом коридоре сновали какие-то женщины, по большей части не слишком юные.

Измайлова ждала его на пороге одной из комнат, в обрамлении яркого солнечного света, весело заполонившего дверной проем. Мелькнула мысль: с ее киношным опытом, уж не нарочно ли она выбрала такой эффектный «кадр» для редкого гостя, допущенного в храм великой затворницы?

Против света Алексей не сразу разглядел выражение ее лица, но когда приблизился, то обомлел: для него была приготовлена знаменитая, знакомая по фильмам улыбка. Свежая, радостная, обольстительная – казалось, свет брызнул именно от нее. Трудно было поверить, что женщина с такой улыбкой могла добровольно стать затворницей – эта улыбка нуждалась в толпе, в восхищении и поклонении...

За годы работы с потерпевшими и свидетелями Кис хорошо изучил многообразие улыбок, особенно женских; он уже мог бы их засушить, поместить в альбом и классифицировать, как гербарий, и под каждой поставить вполне научную, доказанную его жизненной практикой подпись: «улыбка ложной скромности», «улыбка оскорбленного самолюбия», «улыбка обольщения» и много еще других улыбок – высокомерных, застенчивых, искренних, самодовольных, детских, хвастливых, неуверенных, наивных... И потому не мог не понимать, что эта сверкающая улыбка великой актрисы – не более чем заученное выражение лица, успех которого давно проверен на публике. Тем не менее она была живой. От нее стало беспричинно хорошо на душе.

Он не удосужился высчитать, сколько актрисе лет, но ей должно быть где-то шестьдесят с небольшим. Однако слово «пожилая» не подходило к этой женщине с балетной спиной, составлявшей прямую линию с шеей, с легкой походкой, с ясным и живым взглядом немного выцветших глаз. Небольшие жемчужные серьги шли к ее седым волосам, уложенным явно рукой хорошего парикмахера, сдержанная косметика освежала ее лицо, все еще красивое, с тем отпечатком строгого благородства, который метит некоторые лица с возрастом. На ней были узкие темно-серые брюки и тонкий бледно-голубой свитер, обтягивающий стройную фигуру. В прорези отложного воротника светилась

нитка некрупного жемчуга в ансамбль к серьгам. Она протянула руку без единого украшения: «Алла Владимировна. Проходите, Алексей Андреевич».

Он прошел в указанную комнату. Просторная, в два окна по торцам, почти пустая. Белый салонный рояль в углу у окна; диван и два кресла, обитые синим бархатом, составляли уголок, обращенный к роялю. В другом углу царила огромная напольная ваза из молочного стекла с живыми белыми лилиями, рядом стояло белое элегантное бюро, на котором неожиданно обнаружился портативный компьютер. Еще один небольшой столик у другой стены, письменный, со стопками бумаг. Несколько афиш и фотографий Аллы в ролях по светло-голубым стенам.

– Чаю?

– Да... Или лучше кофе, если можно.

– Разумеется. Ирочка, принесите нам две чашки кофе с бисквитами, будьте любезны, – сказала Алла в открытую дверь.

Кис почему-то ожидал, что женщина, укрывшаяся на годы от всего мира, будет держаться напряженно, неприветливо – как же, чужак в святой обители! Но нет, Алла была непринужденной, легкой, от нее исходила радостная доброжелательность, словно она и впрямь была рада гостю. Или просто отработанный механизм контакта с публикой – кажется, это так называется? – не заржавел за годы затворничества и функционирует по-прежнему исправно?

Алексей ждал. Он не заговаривал первым, это был один из его маленьких профессиональных приемов, выработанных за годы сыщицкой практики: клиент должен изложить свою проблему сам, ему не следует помогать. Первые же звуки его голоса поведают множество секретов детективу – об искренности или фальши, о сомнениях или уверенности своего владельца, – а секретам нужна тишина. И потому он молчал, ожидая, что Измайлова сама приступит к делу.

Она к нему приступила несколько неожиданно:

– Вам здесь нравится?

– Да, – не совсем искренне сказал Кис. Полупустая гостиная при всей своей элегантности смущала его некоторой разреженностью пространства, почти аскетичностью. Он привык видеть плотно заставленные мебелью стены – обитатели малогабаритных квартир экономно использовали каждый сантиметр жилой площади, и даже нувориши, обзаведясь гектарными квартирами, не могли расстаться с этой советской привычкой. Впрочем, ощущение аскетичности вызывалось даже не недостатком мебели – напротив, в комнате было много воздуха и света, но... Она была стерильна. Эта комната тихо нашептывала об одиночестве, в котором укрылась от мира ее хозяйка; одиночество освещало светло-голубые углы ровным светом, оно делало прохладным синий бархат дивана, оно примешивалось к запаху белых лилий в молочной вазе... И пугало своей окончательностью.

– Вы первый мужчина, который переступил порог этой комнаты за много долгих лет... – произнесла Алла.

Он не нашелся что ответить; она не стала продолжать. Они просидели в тишине еще несколько минут, пока Ирочка, оказавшаяся невзрачной маленькой женщиной лет пятидесяти, со светлыми подкрашенными волосами, затянутыми в какой-то инфантильный школьный хвостик на затылке, не принесла им кофе. Алла поблагодарила ее кивком, Ирочка исчезла.

Актриса взяла в руку изящную кофейную чашечку, Кис последовал ее примеру, но Измайлова не поднесла ее ко рту, а, приспустив занавес своих век, выдержала недолгую паузу, будто собираясь с духом, и произнесла:

– Кажется, меня пытались убить.

Сердце Алексея нетерпеливо сунулось куда-то в ребра, как щенок мордой в колени. Неужто удача? Неужто и Измайлова входит в «черный список» неуловимого «иглометателя»? Она была знакома со всеми жертвами, и ее тоже пытались убить! И теперь, коль скоро она осталась жива, она поведает детективу о загадках прошлого!

Разумеется, он не стал делиться с актрисой подобной радостью открытия и лишь, едва сдерживая возбуждение, уточнил:

– Кажется?..

– Можно было бы предположить, что этот человек хотел у меня что-то украсть. Но у меня такое чувство, что он собирался меня убить.

– А нельзя ли по порядку? – вежливо попросил Кис. – Что за человек, когда, где?

Измайлова улыбнулась легкой, мимолетной, чуть смущенной улыбкой, которую тоже помнило ее лицо со времен выхода на бис.

...Это случилось прошлой ночью. Было два с четвертью, когда ее разбудил вой сигнализации какой-то машины под окном. Если бы не машина, то не сидела бы Алла сейчас перед детективом: сон у нее в это время хороший, крепкий, только под утро становится более чутким, и бесшумные шаги человека в комнате никогда не разбудили бы ее...

– Эти модные штучки для машин, знаете, их, по-моему, выпускает артель «Напрасный труд», – улыбнулась Алла, – стоит на них кошке чихнуть, так они тут же начинают выть...

Проснувшись, она сначала посмотрела на часы и только потом заметила черный силуэт. Он буквально замер от неожиданности метрах в трех от ее кровати...

– Вам не доводилось играть в детстве в такую игру: «Море волнуется раз, море волнуется два»? И потом все должны были замереть по команде ведущего?

– Помню. В нее, правда, больше девчонки играли.

Алла едва заметно усмехнулась мальчишескому выражению, мелькнувшему на секунду в лице детектива.

– Вот примерно так это и выглядело: черный силуэт застыл «по команде» сигнализации там, где находился. Вот, извольте посмотреть на место, так сказать, происшествия.

Актриса легко поднялась и провела Алексея в комнату, соседствовавшую с гостиной. Спальня ее тоже показалась детективу спартанской. Собственно, она была нормально и даже красиво обставлена, но Кис почему-то ожидал увидеть нечто вроде будуара, роскошного и капризного, соответствующего расхожему

представлению о звездах экрана. Он же находился в довольно сдержанно меблированной комнате, скорее практично, чем роскошно. Не слишком широкая кровать, стенной шкаф, туалетный столик и рядом с ним комод с ящиками. Безделушки, духи, какие-то косметические штучки, коробочки с украшениями – нормальная картина в женской спальне. У Александры такая же картина была в ванной (за отсутствием спальни в ее однокомнатной квартире). Никаких излишеств в мебели, никаких там цветов или кружев, подушечек или черт его знает чего, что может быть в будуаре звезды...

– Он вот здесь стоял, – отвлек его голос Измайловой. – Человек был одет во все черное, как, знаете, в современных фильмах, когда банк берут. Черный костюм, свободный, вроде лыжного, черная маска. Как вы понимаете, я мало что сумела разглядеть. Могу только сказать, что рост средний и по комплекции тоже средний.

– Почему вы решили, что он хотел вас убить? Он был вооружен? Пистолетом, ножом?

– Не видела. Но просто... Он так стоял: лицом ко мне. И смотрел на меня. Я видела его глаза в прорези маски. Впечатление было таким, будто, пока я спала, он старался тихо приблизиться к моей кровати, а в этот момент сигнализация меня разбудила – некстати для него.

– Можно ли исключить гипотезу, что человек намеревался вас ограбить? В вашей спальне, как я вижу, есть ценности.

– Я не могу ничего утверждать. Но вот каким-то шестым чувством... Верите ли вы, Алексей Андреевич, в такие странные ощущения, когда без всяких на то видимых причин вы вдруг отчетливо понимаете, что именно произошло и почему? Что, например, подумал ваш собеседник, что он почувствовал? И при этом вы абсолютно уверены, что не ошибаетесь? Знакомо ли вам это?

– Вполне.

– Тогда поверьте: этот человек шел ко мне. Не к столику, на котором валяются мои драгоценности, но ко мне, к моей кровати. Учитывая мой возраст, вряд ли можно предположить, что у него имелось намерение меня изнасиловать. Он хотел меня убить.

- Ваше ощущение не подсказало вам, это был мужчина, женщина?

- К сожалению, нет.

- Что произошло дальше?

- Я закричала. Человек бросился к двери. Я побоялась бежать за ним. Вой машины разбудил Ирочку, она выскочила из своей комнаты. Но было поздно, человек уже скрылся. Она не успела его увидеть.

- Вы полагаете, что это был кто-то посторонний? Вы доверяете Ирочке?

Измайлова посмотрела на него удивленно, затем лицо ее осветилось пониманием.

- Иными словами, человеком в черном могла быть Ирочка? Мне трудно в это поверить. Я ей доверяю, мы так давно знакомы...

Кис направился к входной двери, попросил фонарик, который был незамедлительно принесен Ирочкой, и, посветив в скважину замка, хмыкнул:

- Видимых следов взлома нет.

- Что из этого следует? - поинтересовалась Алла, когда они вернулись в гостиную.

- Что если эту дверь вообще открывали ночью, то либо хорошо подобранной отмычкой - замки у вас несложные, - либо... У вас ключи не пропадали, не терялись?

- Нет.

- Вы обращались в милицию?

- Зачем? Я обратилась к вам.

– У них есть возможность сделать экспертизу замка и определить, чем он был открыт: ключом или отмычкой. У меня такой возможности нет. Почему вы не обратились?

– Я, если вы расслышали, только что объяснила: предпочла обратиться к вам, – с капризной интонацией примы произнесла Измайлова.

Алексей мельком, но внимательно глянул на нее: она не дала ему ответ, она ушла от ответа при помощи неожиданной маски знаменитой актрисы и красивой женщины, избалованной успехом. Почему? Но настаивать он не стал, всему свой черед.

– В вашей квартире обитает еще немало народу, как я успел заметить.

– Верно. Эта квартира нам досталась еще при жизни моего мужа в качестве приложения к Госпремии. Вы знаете, конечно, что он был известным режиссером... В ней четыре жилые комнаты и пятая – темная, чулан, хотя довольно большой: когда-то там жила домработница, а теперь комната приспособлена для хранения одежды. Две занимаю я: гостиная, где мы сейчас с вами находимся, и спальня. Еще в двух живут Ирочка и моя двоюродная сестра Элеонора. Она тяжелобольной человек, оставшийся без родных на склоне лет. Я взяла ее к себе. Кроме того, при ней неотлучно находится медсестра, она и спит в комнате Элеоноры. Остальные проходящие.

– И что же, вой сигнализации больше никого не разбудил?

– Элеонора, моя кузина, почти глухая и почти слепая. Нина, медсестра, по ее словам, едва проснулась и сразу же снова заснула. Из-за Элеоноры она часто не высыпается, ночью приходится вставать к больной, вот она и наверстывает недостачу, впадая в сон, как в кому. Случается, что Нора дозваться ее не может, Ирочка и та просыпается и идет к ним в комнату, чтобы разбудить Нину... Мы с Ирочкой заглянули к Элеоноре, чтобы убедиться, что все в порядке: обе спали.

– А если Нина, допустим, притворялась? Если это она приходила ночью в вашу комнату и, когда вой сигнализации застиг ее врасплох, быстро вернулась к себе и нырнула в постель?

– Нину я знаю меньше, но... Зачем ей? И потом, на ней была ночная рубашка.

– Она могла успеть стянуть с себя черный костюм.

– Сомневаюсь. Это рассказывать долго, а произошло все так быстро!

– Ваши... э-э-э... ваш... – Кис никак не мог найти слово, которым следовало обозначить приживалок актрисы, а быть невежливым не хотел. – Ваш персонал, – нашелся он наконец, – тоже располагает ключами?

– Разумеется... Я поняла вопрос. Ирочка! Зайдите, прошу вас! – вежливо и повелительно произнесла Алла. Такую великолепно дозированной в голосе надменностью в сочетании с любезностью Кис слышал только в кино из жизни аристократов.

Ирочка возникла на пороге, словно стояла за дверью. Подслушивала? Или, вышколенная прислуга, она в любую секунду готова откликнуться на зов своей хозяйки? Выражение маленького, непритязательного, хотя и вполне правильного личика носило тот отпечаток невозмутимости и скромной почтительности, который Кис видел тоже только на лицах слуг в том же кино из жизни аристократов.

«А не слишком ли тут много «кина»?» – подумал детектив.

– Сделайте милость, опросите всех: не терял ли кто ключи от квартиры, – распорядилась Измайлова.

Ирочка вернулась через три минуты: ключи не потерялись и не пропадали. Ни у кого, включая ее саму. Выдав эту короткую фразу, Ирочка безмолвно исчезла.

– Эта Ирочка... Ирина то есть, она, случаем, не из актрис?

– Она моя бывшая портниха, почти все мои туалеты были сшиты ею.

Кис попросил перечислить всех, кто имеет доступ в квартиру Измайловой, и оказалось, что «вхожего» народу было не так уж мало. Народ этот был исключительно женского полу и делился на две категории: живущие в квартире и приходящие.

Живущих, как уже знал Кис, было трое: Ирочка, глухая-слепая кузина Элеонора (она же Нора) и медсестра Нина.

Ирочка в этом женском общежитии была, по сути, администратором. Она организовывала остальных, следила за нормальным функционированием дома, за закупками продуктов, за работой прислуги и так далее. Кроме того, Ирочка была единственным лицом, приближенным к хозяйке, и иногда коротала вечера вместе с ней в гостиной, играя в карты, слушая музыку или вспоминая какие-то забавные истории из прошлого.

Характеристика Элеоноры исчерпывалась двумя словами: совершенно беспомощна.

Медсестра-сиделка Нина находилась в квартире почти неотлучно. Среди дня у Нины было несколько свободных часов, пока Элеонора спала, но, за исключением этого дневного перерыва, работала Нина круглосуточно и без выходных. Кажется, ее это устраивало: она развелась с пьяницей-мужем, их однокомнатную квартиру разменять было невозможно, и для Нины такая работа, с жильем и питанием, была просто спасением.

Среди проходящих числились домработница, секретарша, повариха и прачка. Домработница и повариха являлись ежедневно: первая на полный рабочий день, вторая только на время приготовления пищи. Прачка обычно являлась ненадолго, когда ей бог на душу положит, у нее не было фиксированного времени для приходов. Она приносила чистое белье и собирала грязное, которого было довольно много в этой многонаселенной квартире, особенно из-за Норы: лежачей больной постель меняли практически ежедневно. Секретарша приходила два раза в неделю: актриса задумала писать мемуары и наняла девушку, владевшую компьютером.

Все женщины имели свои ключи, кроме секретарши и прачки. Еще одна запасная связка висела на ключнице в коридоре.

– Кто из них может быть заинтересован в вашей смерти?

– Я им куда выгоднее при жизни, Алексей Андреевич: я плачу за работу, к тому же им приятно прихвастнуть знакомством с «той самой Измайловой»...

- Вы богаты?

- Пенсия у меня по нынешним временам небольшая, но мне хватает, к тому же доплачивают Союз театральных деятелей и Союз кинематографистов... Недавно повысили пенсию в честь годовщины со смерти мужа, - чересчур старательно пояснила Алла.

- И вам хватает пенсии на то, чтобы платить всем?

- Вы фининспектор или частный детектив? - усмехнулась Измайлова.

- Меня не доходы ваши интересуют, а имущество... Ваша квартира стоит дорого. У вас есть дача?

- Есть. Хотя я на ней не была последние лет пять. Она сдается, а постояльцами занимается Ирочка.

- И небось в хорошем местечке?

- В Абрамцеве.

- Кому должно перепасть ваше имущество по завещанию?

- Ах, вот вы к чему клоните!.. То есть вы находите, что мне уже пора подумать о завещании?! - с жеманным возмущением ответила Алла, хлопнув ресницами.

Так, сказал себе Кис, кажется, в финале пойдут титры: в главных ролях Измайлова. Причем во всех, от дурочки до аристократки. Интересно, какую роль она изберет, когда он ей расскажет о своих находках в архивах жертв «иглоукальвателя»?

- Хорошо, - уступил он, - пусть не по завещанию, но кто наследует в случае вашей смерти? Какие родственники?

- Никакие. У меня их нет.

- Дети?

- Детей у меня тоже нет. - Измайлова произнесла это без всякого выражения, - без грусти оттого, что «не получилось», но и без заметной агрессивности тех, кто не захотел в свое время завести детей и теперь чувствует себя в постоянной готовности отстаивать право на бездетность, находясь в идейной конфронтации с семейным миром.

- Могу я спросить, почему?

Она улыбнулась снисходительно:

- Актрисы - по крайней мере, актрисы-звезды - редко заводят детей: пленки плохо совместимы с искусством.

- Неужто совсем не остается времени? - не поверил Кис с некоторым форсированным простодушием: он, как всегда, копал по всему полю, пока без особых целей.

- Вопрос времени, да, но не первоочередной. Важнее то, что портится фигура. И портятся отношения с искусством. Это монстр, который требует поклонения ему, и только ему одному. Тот, кто заводит интересы «на стороне» - будь то дети, любовные приключения или хоть даже внезапное увлечение вышиванием, - те немедленно оказываются наказаны. Наказаны внутренним конфликтом. Актерская профессия требует абсолютной отдачи, ей нужна ваша душа целиком, до конца. Если же ваша душа делится между ею и чем-то другим - все, вы больше не человек искусства. Оно отторгает вас. Вы сами отторгаете его безраздельное владычество в своей душе. Вы больше не готовы терпеть его монополию на ваше время, силы и чувства... Я понятно изложила?

- Вполне.

«И убедительно», - мысленно добавил Кис.

- Впрочем, - вдруг доверительно проговорила Алла, понизив голос, как если бы боялась, что ее подслушают, - я подумываю написать завещание. Хочу отдать эту квартиру тем, кто здесь живет и преданно служит мне...

Кис не поспевал за сменой ее интонаций. Они все казались ему наигранными. Даже не то что наигранными, а... какой-то издевкой над ним, что ли... Как если бы актриса задалась задачей поморочить ему голову и не оставить у детектива целостного о себе впечатления. Интересно, зачем?

- То есть Ирочке и Нине? - уточнил Кис.

- По большей части.

- А по меньшей части? Приходящему персоналу? Кроме квартиры и дачи, какие еще ценности у вас есть? Ювелирные изделия?

- К чему эти вопросы?

- Разумеется, драгоценности, - вместо ответа задумчиво проговорил Кис. - У знаменитой актрисы и красивой женщины, всю жизнь окруженной блестящими поклонниками, их просто не может не быть... К тому же сомневаюсь, чтобы вам хватило пенсии - даже очень хорошей - для того, чтобы оплачивать услуги вашего персонала...

Алла отчего-то немного смутилась, поднялась, бесцельно прошлась до стола и обратно, затем вернулась, налила себе воды из небольшого кувшина, стоявшего на столе, и только затем ответила без выражения:

- Ну, есть у меня драгоценности. Не исключено, что в благодарность за преданную и хорошую работу я либо подарю, либо завещаю каждой из них по какой-нибудь безделушке.

Интересно, почему она так смутилась при упоминании о драгоценностях?

- Дорогие они, эти ваши безделушки?

- Да, - обронила она скупно.

- И их, уверен, немало. Всех женщин, которые крутятся в орбите вашей жизни, всего шесть, если не считать Элеонору, которой вряд ли понадобятся украшения. Куда пойдут остальные драгоценности?

– Пока не решила. Может, отдам в какой-нибудь детский фонд или сиротский дом. Раз уж я не внесла свой вклад в деторождение, то внесу материальный вклад в помощь детям...

– Кому известно о вашем намерении отблагодарить по завещанию ваш персонал?

– Ирочке, и только в общих чертах. Так что, видите, никому из них не выгодно устранять меня.

– Иными словами, на наследство ваше пока зариться некому... Ну что ж, в таком случае мы располагаем двумя фактами, которые с большой натяжкой можно считать достоверными: на вас покушались – раз, и покушался кто-то из посторонних – два. Сегодня же вечером к вам подъедет, с вашего позволения, мой ассистент и поставит вам новые надежные замки, а старые заберет. Я постараюсь договориться с одним знакомым экспертом, чтобы он их осмотрел. Ключи от новых замков не давайте, пожалуйста, никому – придется вам потрудиться некоторое время открывать дверь всем проходящим. И уж, разумеется, никаких запасных связок не вывешивайте на всеобщее обозрение...

Кис словно размышлял вслух, монотонно выкладывая свои рабочие соображения. Алла согласно кивала со скучающим выражением на лице. Именно этого Кис и добивался: теперь, когда он увидел, что Измайлова отнюдь не собирается заводить разговор об убийствах виков (на что он было понадеялся), – теперь он готовился к броску и усыплял бдительность противника.

– Как удачно вышло, что вы меня пригласили, Алла Владимировна, – все так же монотонно бубнил Кис. – Признаюсь, я ведь сам собирался просить вас об аудиенции, – произнес Кис и подивился: он и не подозревал, что подобные обороты залежались в пыльном углу его памяти.

Она любезно удивилась:

– Да? И в связи с чем?

Нет, она пока не поняла, куда намерен завести ее детектив; она пока лишь начала смутно подозревать, что он, может, давний поклонник ее таланта, хотел

попросить у нее автограф...

– Вы ведь знаете, что сейчас происходит? – простодушным тоном спросил Кис. – Я имею в виду четыре убийства высокопоставленных персон из необычного оружия при помощи отравленной иглы.

– Знаю, – голос Измайловой вдруг сделался холоден. – Газеты читаю.

Ага, она все еще не догадалась. Уже почувяла, что речь вовсе не об автографе пойдет, ей это не нравится, она немного напряглась, но еще не догадалась. Ничего, у нас в запасе еще шаг-другой, а если понадобится, то и бросочек сделаем, за милую душу сделаем.

– Так что вы понимаете, что у меня к вам встречный интерес...

Ну что, сдаст позиции? Вдруг сейчас скажет: представьте, я была с ними со всеми знакома...

– Нет, – неприязненно отрезала Алла, – не понимаю. С какой стати?

Алексей откинулся на спинку кресла и посмотрел на нее в упор. Измайлова сидела прямо, пожалуй, слишком прямо, слегка откинув голову назад; глаза ее приобрели легкий презрительный прищур, а контур губ тронуло выражение брезгливости.

«Н-да, лихо ты разбежался, голуба, – мысленно съехидничал самому себе Кис, – понадеялся на легкую победу... Ох, не верь актрисам, не верь! Эта чарующая любезность, эта женственная мягкость улыбки, эта грациозная поза, которая, презрев разницу лет, предназначалась женщиной мужчине, – все это роль, всегда роль, всего лишь роль. Ну что ж, дорогая богиня, вы не оставили мне выбора, придется-таки делать бросок, у меня для вас приготовлена тяжелая артиллерия, не взыщите уж».

Алексей вытащил из папки стихи. Молча положил перед ней. Подождал, пока она наденет очки и возьмет лист в руки.

– ...Июнь, как скульптор, лепит груди... – негромко сопровождал он вслух бег ее глаз по строчкам.

Измайлова резко отбросила листок и сняла очки. Вопросительно-холодный взгляд на детектива.

– Эти стихи посвящены вам? – почти утвердительно спросил Алексей.

Она колебалась. Она не знала, что известно детективу, и потому, боясь попасть впросак, не могла решить: признаваться или отпираться. Но Кис уже понял, что не ошибся: ей стихи посвящены, ей!

– Откуда они у вас? – с деланным равнодушием спросила Алла.

– А.И. – это вы?

– Не исключено.

Тогда Кис вытащил фотографии. Ткнул пальцем.

– Это вы. Вот здесь, смотрите, ваш муж в компании практически тех же людей. Здесь вы вдвоем с мужем – и те же лица. Вот открытка с вашим портретом, «...настоящему русскому меценату...». Взгляните на эту фотографию у реки: двое мужчин, двое недавно убитых, депутат и банкир, смотрят в объектив фотоаппарата. Снимающего не видно, но эти два мужских взгляда устремлены, несомненно, на женщину, – на женщину, которая обоим сильно нравится. На вас, верно?

Она не желала следить за указующим пальцем детектива, она смотрела невидящим взглядом поверх разложенных перед ней фотографий, куда-то в область колен Алексея, отчего ему захотелось немедленно проверить, нет ли там, случаем, какого пятна.

Он дал паузе пару минут: если она не заговорит сама, то он начнет припирать ее.

На исходе второй минуты она подняла голову и посмотрела в глаза детективу.

- Откуда все это у вас?

- Я занимаюсь расследованием этих убийств, так сказать, подключен в качестве дополнительной силы. Я беседовал с семьями, просматривал личные архивы. И понял, что вы были знакомы со всеми четверьмя.

- Вы читали сегодняшние газеты?

- Не успел.

- Сегодня - пятый. Академик Сулидзе.

Недосягаемый академик с «безупречным прошлым»! Вот как оно повернулось. Да, уже не придется Кису прорываться через охрану цербера-жены, не с кем ему уже встречаться и вопросы задавать некому...

Алла прошла к пианино и взяла с него газету, вложила в руки детектива. Он прочитал. Пятое убийство с теми же признаками экзотического оружия.

- Рассказывайте, Алла Владимировна, - мягко произнес Кис, отложив газету в сторону.

- Что рассказывать? - Ее тонкие, аккуратно прочерченные брови удивленно взлетели. Слишком удивленно.

- Алла Владимировна, - мягко произнес Алексей, - боюсь, что вы не до конца поняли ситуацию. Вы, по всей видимости, в «черном списке».

- Почему? - никаких признаков испуга.

- Вы сами только что сказали, что некто приходил к вам ночью с целью вас убить!

- Какое отношение это может иметь к остальным? Их убивают всегда на улице из какого-то оружия с иглой!

- Но вы - вы почти не выходите на улицу. Поэтому я не могу исключить возможность, что убийца пришел к вам. С доставкой на дом, так сказать. Что же до иглы, то до сих пор не установлено, какого типа и размера это оружие, может ли оно, к примеру, поместиться в кармане. Вы оружия не заметили, но это не означает, что его не было!

Актриса встала и, сплетя пальцы за спиной, сделала несколько шагов по комнате, затем остановилась у окна.

- Я до сих пор так и не знаю, что за машина тут раскричалась прошлой ночью, - некстати произнесла она, не оборачиваясь.

- Почему вы не обратились в милицию?

- Вы все равно не поймете.

- Попробуйте.

- Одиночество. К одиночеству привыкают, как к наркотику. Это особый мир с суверенными границами, за пределы которых просто так не выйти. Признаться, уже жалею, что позвала вас.

- Я могу уйти, - сухо произнес Алексей.

- Поздно. Вы уже нарушили мое одиночество... Но вы - нарушитель моих границ в единственном экземпляре. А в милиции их - толпа, стадо чужих однородных людей в уродливых униформах. При мысли, что это стадо вломится сюда... Что нужно будет давать показания... Это слишком большие жертвы.

- Даже во имя собственной безопасности?

- Я все-таки обратилась к вам, - хмуро ответила Алла, не оборачиваясь от окна.

- И раз уж я здесь и вы согласны терпеть меня и дальше, давайте все же попробуем наладить разговор, - доброжелательно улыбнулся Алексей ее балетной спине.

Измайлова обернулась. Некоторое время она вглядывалась в лицо детектива, будто решала, стоит ли «налаживать» с ним разговор. Какая-то тень промелькнула по ее лицу, и вдруг оно осветилось улыбкой.

– Хорошо, – сказала она и вернулась к дивану, – давайте попробуем. Вряд ли у меня есть другой выход. – И она улыбнулась еще шире, словно сдаваясь. – Еще кофе?

– Нет. Еще вопрос. Точнее, еще много вопросов. Вы были знакомы со всеми убитыми. И, как я понимаю, именно в тот отрезок времени, когда все они проживали в Москве... Я думаю, Алла Владимировна, что разгадку этой цепочке убийств нужно искать в неких событиях, произошедших в этот период. Как и разгадку покушения на вас. Возможно, вы знаете, что это за события?

– Ни малейшего понятия. И даже не очень хорошо понимаю, к чему вы клоните.

– Думаю, что все четверо – теперь уже пятеро, вместе с академиком, – были замешаны в какой-то неблагоприятной истории. И сегодня кто-то решил то ли убрать свидетелей, то ли рассчитаться за долги. И, раз покушались и на вас, вы должны знать, что это за история.

– Признаться, я и сама уже об этом думала, – ответила она без тени беспокойства. – Но моя память ничего не подсказывает мне. Я была знакома с этими людьми, да, но никак не предполагала, что убийства могут быть связаны с покушением на меня... Не было у нас никаких общих историй, поверьте.

– Кто же мог на вас покушаться? Почему?

Алла беспечно пожала плечами в ответ, всем своим видом показывая, что у нее нет ни малейшей идеи.

Она лгала, Кис был уверен, лгала. Беспечность была наигранной, иначе актриса не позвала бы в свое суверенное жилище, в свой храм одиночества детектива, «нарушителя границ». У нее, без сомнения, есть какие-то соображения, предположения, но она не хочет о них говорить детективу. Странные люди – Кис уже множество раз сталкивался с этим феноменом, – которые зовут на помощь следователя, но при этом не желают, чтобы он расследовал! Им почему-то кажется, что можно расследовать в отсутствие информации, оставив в

девственной неприкосновенности секреты, зачастую весьма интимные...

Кис счел, что спасти его может только внезапное и насильное нарушение этой девственности – апробированный метод лобовой атаки, который раскрывал самые молчаливые рты, – и, мысленно извинившись перед актрисой, вломился напрямую:

– В каких отношениях вы состояли с этими людьми?

– Мы были знакомы, – уклончиво ответила она.

Но Кис не позволил ей уклониться.

– Они были вашими поклонниками?

– Все знакомые мужчины были моими поклонниками!

– Кому из них вы отвечали взаимностью?

Она растерялась, ей-богу, она растерялась! Кис похвалил себя за эту атаку и, не давая Измайловой опомниться, продолжил:

– С кем из них вы состояли в интимных отношениях?

Алла все еще не собралась с духом и растерянно молчала, как Кис добил ее:

– Со всеми пятерыми?

Она покраснела. Она спрятала лицо в ладони. Она неслышно выдохнула сквозь сомкнутые пальцы:

– Убирайтесь. Вон отсюда!

Настала его очередь растеряться. Несколько долгих секунд висела тяжелая, напряженная пауза. Алла не отнимала рук от лица. Кис искал решение. Он мог бы и уйти, в конце концов, не хочет – не надо. Но останавливали две вещи:

необходимость добыть информацию, важную для расследования четырех – нет, уже пяти! – убийств и невозможность оставить эту женщину в опасности, несомненно, грозившей ей.

Мягко, очень мягко он проговорил:

– Не уйду, Алла Владимировна, и не просите. Если я уйду, вас убьют. И очень вероятно, что не только вас, – мы не знаем, намечены ли преступником новые жертвы. Неужто вы всерьез думаете, что тот, кто попытался один раз, не возобновит свою попытку? Вам грозит опасность, и я не смогу отвести ее от вас, не узнав подробности. Они мне необходимы, нравится вам это или нет. Могу обещать только одно: дальше меня информация никуда не пойдет. Слово чести.

Измайлова не сразу отвела руки от лица, а когда отвела, Кис увидел, что на нем нет ни малейших следов слез. Только выражение изменилось: губы поджалась, обнаружив морщинки вокруг рта, глаза смотрели на него с холодным ртутным блеском, сухую бледность кожи уже были не в силах скрыть пудра и румяна... Больше она не хотела ему нравиться, больше она не желала быть в его глазах все еще «той Измайловой», которая была бы сопоставима с нынешней. Перед ним сидела усталая и разочарованная женщина, которую придуманное ею самой затворничество давно лишило жизни и красок, воздуха и света.

– Хорошо, Алексей Андреевич, – проговорила она безучастно. – Да, все эти пятеро мужчин были моими поклонниками. И в свое время у меня была связь с каждым из них. Или, называя вещи своими именами, они были моими любовниками. Тем не менее я не вижу никакого повода для того, чтобы убивать их сегодня. Мне не известны никакие тайны, темные дела, к которым они могли бы быть причастны и которые могли бы послужить причиной для их устранения сегодня, спустя много лет. Это все, что я могу сказать.

– Позвольте, но в таком случае я не вижу, кому понадобилось покушаться на вас! Какая связь? Либо вы что-то знаете, либо...

– Либо связи нет, – закончила за него Измайлова. – Надо думать, что это был кто-то из своих, вхожих в дом.

– Вы не написали завещания, значит, материальный интерес отпадает. Ваши драгоценности, как вы сказали, достаточно доступны, чтобы их могли просто

выкрасть, не покушаясь при этом на вас. Остается предположить, что у кого-то имеются к вам серьезные счета. Какие? Кого вы так сильно обидели?

- Никого на моей памяти.

Нет, она решительно не собиралась помогать детективу! Верно Александра заметила: слишком быстро он разлакомился, убаюканный успехами последних дел. Здесь явно придется попотеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. роман Т. Гармаш-Роффе «Ведьма для инквизитора», в котором детектива берут в заложники во время популярной телепередачи.

2

Аббревиатура от английского Very Important Person – дословно: очень важная персона.

3

Охотничье оружие американских индейцев, представляющее собой довольно длинную трубку, из которой выдувают маленькую стрелу, смазанную ядом кураре, оказывающим нервно-паралитическое действие.

4

См. роман Т. Гармаш-Роффе «Шалости нечистой силы».

5

Здесь использована строчка из стихотворения В. Бокова.

6

См. роман Т. Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче».

7

См. роман Т. Гармаш-Роффе «Ведьма для инквизитора».

8

Французское слово, применяемое к тем мужчинам, которые сознательно пользуются своим обаянием (шармом) в целях завоевания собеседника или собеседницы.

9

Лекарство, снимающее синдром похмелья.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-garmash-roffe/rol-greshnicy-na-bis>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)